ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (3108) Суббота, 4 июля 1953 г. Цена 40 коп.

ПОКОРЕНИЕ ИРТЫША

ВСТУПИЛА В СТРОЙ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКАЯ ГЭС

На Иртыше, воспетом народом в песнях, пущена Усть-Каменогорская гидроэлектростанция — первая крупная гидроэлектростанция на этой реке.

...В камеру шлюза медленно входит пароход «Лобков»—скромное судно Верхнеиртышского пароходства, носящее имя прославленного в здешних местах героя гражданской войны. На палубе собрались знатные монтажники, бетонщики, электросварщики, крановщики, инженеры, прорабы. Это — передовые строители, усилиями которых выполнено несколько миллионов кубометров земельно-скальных работ и уложено свыше шестисот тысяч кубометров бетона.

Первое судно проходит шлюзование. С его палубы видны металлические фермы, которые идут от здания ГЭС к сердцу рудного Алтая. Новый могучий поток энергии, вырабатываемой Усть-Каменогорской ГЭС, пошел на осуществление программы пятой пятилетки.

Строительство Усть-Каменогорской ГЭС проходило в сложных геологических и климатических условиях. Кто не знает могучую силу Иртыша, его неукротимый и капризный нрав. Много знаний, энергии и просто рабочей смекалки потребовалось, чтобы укротить буйный характер реки.

Усть-Каменогорская ГЭС, так же как и Днепрогэс, сооружена на скальном основании. Но в отличие от днепровской станции здесь скальные породы находились очень глубоко. Чтобы добраться до них, нужно было со дна реки снять двенадцати-четырнадцатиметровый слой так называемого аллювия—мелкого гравия и песка. Это сложная работа. Дело в том, что аллювий пропускал воду, мешал возводить сооружения, хотя они и были ограждены перемычками.

В перемычке первой очереди, за которой строилась бетонная плотина, слой аллювия был искусственно заморожен и зацементирован. Но метод замораживания оказался сложен и дорог. Тогда инженеры применили другой, более простой, дешевый и надежный способ: слой аллювия не замораживался, а только цементировался; перед перемычками был устроен так называемый экран из глины — водонепропускаемый грунт. Это и позволило строителям соорудить перемычки в три с половиной зимних месяца!

Не надо забывать, что строительство проходило в суровых условиях. Но даже при пятидесятиградусном морозе здесь ни на минуту не прекращались бетонные работы.

Впервые в практике гидростроительства на Усть-Каменогорской ГЭС сооружен однокамерный шлюз с перепадом до сорока метров. Пароход, идущий вверх по реке, будет поднят в шлюзе на высоту сорока метров, а идущий вниз — на столько же опущен.

Усть-Каменогорская ГЭС — всенародная стройка. Около четырехсот советских заводов поставляли стройке на Иртыше оборудование и механизмы.

Строительство завершено. На станции теперь новые хозяева — эксплуатационники. Аблакетка, поселок строителей, недавно шумный, постепенно пустеет. Строители уходят вверх по Иртышу к Бухтарме, чтобы совершить новый трудовой подвиг во славу Родины.

Письма друзей

16 мая этого года «Литературная газета» напечатала стихотворение Назыма Хикмета «Разговор с доктором». Поэт рассказывал в своих стихах о том, как врач потребовал от него в дни болезни дать полный покой сердцу, не тревожить его ни радостью, ни гневом, иначе «...сердце лопнет, как граната ручная». Назым Хикмет ответил врачу: «Оставьте, доктор. Ведь это — сердце. Слышите, как оно бьется? И если от гнева или от радости разорвется,— пусть разорвется».

После опубликования «Разговора с доктором» в адрес «Литературной газеты» стали приходить письма на имя поэта. Взволнованные стихами Назыма Хикмета, читатели требовали от поэта: всеми средствами бороться с болезнью!

«Он обязан сохранить свое сердце, и если нельзя иначе, то ценой полугодового полного «выключения» из жизни. Без книг, без газет, без гнева и радости,— требовала девушка, подписавшая свое письмо «Комсомолка». — Слышите, Назым Хикмет, чудесный поэт, Вы должны сберечь свое сердце, оно нужно людям, нужно Вашей родной Турции, оно слишком дорого... Надо выйти победителем из поединка с болезнью».

Как бы вспоминая другие стихи Назыма Хикмета о детях, где он пишет и о своем сыне Мемеде, оставшемся в Турции, москвичка В. Боровлева в письме говорила поэту: «Пусть лечат врачи — это их призвание. Доверьтесь им до конца», и тогда «Мемед не только Вам «папа» скажет, но вслух прочитает Ваши стихи».

Среди писем, поступивших, как отклик на «Разговор с доктором», пришли и стихи московской комсомолки, техника-строителя Москворецкого райжилуправления Людмилы Смирновой. Вот что она писала:

Назым Хикмет на прогулке.

В эти дни, когда бурно
сирень расцветает,
А над ней голубеет
небесный простор,
С русской женщиной,
С умным врачом нареглазым
Вы о сердце своем
повели разговор.

С табаком вам приказано
было расстаться,
С вашим давним соавтором
по стихам,
Не читать до рассветов
и не волноваться
Русской женщиной было
приказано вам.

Через камеры Бурсы
прошло ваше сердце,
Через мрак одиночки
несло яркий свет,
Оно было свободно
в тюремных застенках,
Ваше сильное,
гордое сердце, Хикмет!

От туманного неба,
от холода тюрем,
Оттого, что земля не цветет
по весне,
Даже самый спокойный,
пожалуй, закурит,
Заболит почти каждое
сердце, Хикмет!

Нет! Вы будете петь,
и любить, и смеяться,
Ждать у моря родного
лазурный рассвет,
И не сможет весельем
не загораться
Ваше сильное,
нежное сердце, Хикмет!

Ваше сердце и радость
великую вынесет,
Когда солнце турецкое
вспыхнет для вас,
А любимые руки
вас нежно обнимут
И разгладят морщинки
у ваших глаз.

И вот, когда Назым Хикмет возвратился из больницы, мы побывали у него на квартире и показали поэту большую пачку стихов и писем — откликов на «Разговор с доктором». Поэт читал их, заметно волнуясь, его глубоко тронула забота незнакомых друзей.

— Радость сердцу не вредит!—сказал он и снова повторил:— Не вредит! Особенно такая большая радость, как эти дорогие весточки моих советских читателей.

Потом он рассказал, как возник «Разговор с доктором». Стихи родились во время тяжелой сердечной болезни, когда Назым Хикмет три месяца неподвижно лежал в постели. Писать ему было запрещено. Но стихи рождались вопреки требованию врачей, рождались и шлифовались, жили в памяти. Назым Хикмет рассказывает, что он старался сделать эти стихи доходчивее, проще, короче.

— Коротко, лаконично писать учила меня сама жизнь,— замечает он,— в тюрьме, помню, читал я стихи соседям по камере. Один старый крестьянин сказал: «Почему ты так длинно и громко говоришь? Учись у народа, песни наши короткие, а мудрые».

Назым Хикмет снова и снова перечитывает письма, полученные от читателей.

— Передайте,— говорит он,— передайте моим друзьям: восемь месяцев не беру в руки папиросу, отвык, даже совсем не тянет,— и, улыбаясь, добродушно добавляет: — Как видите, слушаюсь не только врачей, но и друзей читателей. Рано ложусь спать, по утрам занимаюсь физкультурой, совершаю прогулки.

Сейчас Назым Хикмет работает над одной из начатых еще до болезни пьес.

С. КУЛИКОВ
Фото Б. ПУШКИНА

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

По приглашению Союза советских писателей СССР, в Москву приехала австралийская писательница, одна из основателей «Группы писателей-реалистов» Австралии, драматург Мона Брэнд. Она — автор нескольких драматических произведений. Одна из ее пьес—«Чужеземцы в стране»—рассказывает о героической народно-освободительной борьбе малайского народа. Пьеса была с успехом поставлена прогрессивным английским театром «Юнити».

В Москве находится также индийский журналист, корреспондент прогрессивной газеты «Кросроудс», Эдатата Нараянан.

В ближайшие дни гости осмотрят достопримечательности столицы, побывают в московских театрах, посетят Союз советских писателей СССР, а затем поедут по стране.

„Кризис книги“ в Италии

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

Примерно полтора года тому назад реакционная итальянская газета «Фьера леттерария» обратилась к ряду буржуазных писателей с таким вопросом: «Существует ли сейчас «болезнь века»? Как ее определить? Каковы писатели и произведения, которые являются наиболее ясным свидетельством— как в положительном, так и в отрицательном смысле — современной «болезни века»?».

Замышляя свою анкету, газета отнюдь, конечно, не предполагала, что лица, к которым она обратилась с этим вопросом, действительно укажут источники бедственного положения итальянской экономики и культуры. Совсем наоборот: их ответы должны были увести читателей в сторону от всего, что является в настоящее время «болезнью века» в Италии. Показательны в этом отношении три опубликованных редакцией ответа. Писатель Кардарелли заявил: «Характерной чертой хорошего писателя является его инстинкт самосохранения, его стремление выделить себя, так сказать, спасти себя... Противоположные качества характеризуют плохого писателя, который болен болезнью своего века потому, что он связан со своим временем, а следовательно, испытывает его влияние...» Католический писатель Уго Бетти ответил: «Болезнь века» в различных аспектах присутствует во всех произведениях последнего периода. Эта болезнь возникает оттого, что люди больше не чувствуют себя достаточно уверенными в своем воскрешении после смерти. Требуется снова убедить их в этом».

Писатель Петрони так сформулировал свой ответ: «...Люди рождены, чтобы страдать, ибо они от рождения духовно несовершенны... Быть может, «болезнью века» нужно назвать одиночество и неуверенность».

Мы умышленно задержались на ответах этих трех писателей потому, что, на наш взгляд, они, не отвечая на вопрос, в чем состоит сейчас «болезнь века» в Италии, очень убедительно свидетельствуют о том, в чем состоит «болезнь века» для современной итальянской буржуазной культуры.

Да, эта культура тяжело, безнадежно больна. Она, как свидетельствует Кардарелли, стремится отгородиться от насущных задач времени. Она, как подтверждает Уго Бетти, находится во власти клерикальной реакции. Она, как говорит Петрони, старается морально разложить людей, заставить их уверовать в бесполезность борьбы за лучшее будущее. Она, как явствует из всех трех ответов, порывает связи с лучшими традициями итальянской национальной культуры, несшей в народ идеи гуманизма, всегда служившей передовым идеям времени, боровшейся с клерикальной реакцией.

Эта болезнь современной итальянской буржуазной культуры является одним из проявлений общей «болезни века», свойственной итальянской буржуазии, равно как и буржуазии других стран. Сущность этой болезни мудро определил И. В. Сталин, сказав, что буржуазия ныне выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод, знамя национальной независимости и национального суверенитета. «Нет сомнения,—говорил И. В. Сталин, — что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».

Крупная победа, одержанная коммунистической партией Италии на недавних выборах, красноречиво свидетельствует о том, что коммунистическая партия является достойным знаменосцем итальянского народа. Честные люди Италии не могут не видеть, что она не жалеет своих сил в борьбе за прочное правительство, отстаивающее мир, за свободу и благосостояние для всех граждан. Неоценимы и усилия, прилагаемые коммунистической партией для развития боевой национальной культуры, служащей народу и избавленной от тех «болезней века», которыми страдает современная буржуазная культура Италии.

Коммунистическая и социалистическая партии сплотили вокруг себя все здоровые культурные силы, всю прогрессивную итальянскую интеллигенцию, стремящуюся сделать литературу и искусство достоянием масс.

Одним из доказательств того, как успешно идет эта борьба за объединение всех, кому дороги судьбы итальянской культуры, явился состоявшийся в этом году в Болонье «Конгресс народной культуры».

О том, что представлял собой Болонский конгресс, убедительно говорят цифры социального состава его участников: учителей — 20 проц., служащих — 18 проц., рабочих и крестьян — 23 проц., студентов — 10 проц., остальные — писатели, поэты, режиссеры и другие деятели культуры. На конгрессе присутствовало более 1 200 делегатов. Рядом со студентами и профессорами римского, миланского, туринского университетов сидели рабочие заводов «Фиат», «Реджане»; рядом с самыми известными писателями, поэтами, артистами — крестьяне Южной Италии...

Болонский конгресс продолжался три дня. Состоялась общая дискуссия. Работали многочисленные комиссии, обсудившие следующие важные проблемы: распространение культуры; книги и библиотеки; театр и народные представления; вопросы кино; искусство и народная литература; школа и неграмотность; заводские газеты; фольклор; повышение культурного уровня женщин и молодежи и др. На заседаниях комиссий выступали деятели культуры, рабочие, крестьяне.

В каком положении находится сейчас итальянская культура и, в частности, книгоиздательское дело?

Вот некоторые статистические данные. В 1921 году — в последний год правления либеральной и демократической партий — в Италии было издано 11 920 книг (цифры, представленные «Международной ассоциацией защиты авторских прав»). В 1948 году (согласно цифрам, опубликованным газетой христианско-демократической партии «Моменто ди Рома») было издано только 7 500 книг, т. е. всего две трети книг, изданных в 1921 году. В 1950 году эта цифра уменьшилась еще на 15 процентов.

Подобное положение глубоко волнует итальянскую общественность. И не случайно поэтому на съезде итальянских писателей летом 1951 года была принята резолюция, отмечающая угрожающее положение, создавшееся в книгоиздательском деле. Выдержки из этой резолюции были разосланы во все итальянские газеты. Прогрессивная печать глубоко и серьезно стала обсуждать этот вопрос на своих страницах. Еженедельник «Вие нуове» статьей профессора Амброджо Донини открыл широкую дискуссию о кризисе книги в Италии. Остальные итальянские газеты уклонились от обсуждения этой проблемы. Впрочем, газета «Воче репуббликана», принадлежащая итальянскому министру обороны Паччарди, заявила, что в южной Италии печатается больше книг, чем в России! Автор опубликованной в «Воче репуббликана» статьи добавил, что лучшие советские издания печатаются якобы за границей, и привел в пример журналы «Советская литература» и «Новое время»! Вот образец того, как пишут реакционные журналисты в Италии.

Обычно «знатоки» итальянской официальной культуры оправдывают кризис книги в Италии тем, что он вызван экономическими условиями жизни трудящихся. Они не задумываются над тем, что это признание разоблачает тот режим, который они поддерживают.

Конечно, экономические причины являются определяющими. Согласно официальным данным, в Италии насчитывается более 2 миллионов полностью безработных. (До получения «помощи по плану Маршалла» в Италии было 1.350.000 безработных.) Кроме того, имеется более 4 миллионов частично безработных. Среднемесячный доход семьи составляет 25.787 лир, а прожиточный минимум равен 62 тысячам лир. Во многих областях Южной Италии заработная плата батраков не превышает 10 тысяч лир в месяц. Безработные получают нищенское пособие в течение трех месяцев, после чего они лишаются помощи, даже если и не нашли работы. Пенсионеры получают гроши. Ничтожные пенсии получают также инвалиды войны, вдовы и сироты. Мелкие коммерсанты и ремесленники обременены налогами и разоряются.

Да, экономические условия широких масс населения чрезвычайно тяжелы, но это не единственная причина кризиса книги. Дело в том, что итальянские издательства выпускают не те книги, которые нужны народу. В целом итальянская литература, за исключением книг немногих прогрессивных писателей, не затрагивает проблем, которые живо интересуют рабочий класс и всех трудящихся. За последние годы итальянская книжная продукция испытала на себе разрушительное влияние полицейских и адюльтерных романов, а также американских гангстерских книжонок.

Книги, выпускаемые сегодня в свет итальянскими издательствами, могут интересовать только тот чрезвычайно узкий слой населения, который описывается в произведениях официальных романистов. Если же выходят книги, в которых итальянское высшее общество описывается таким, какое оно есть, то папа римский вносит их в ватиканский список запрещенных книг. Так случилось с произведениями известного писателя Альберто Моравиа.

Зато ни в какие «запретительные списки» не вносятся появляющиеся за последние годы в большом количестве мемуары бывших фашистских главарей и битых маршалов, как, например, маршала Мессе, которого разбили на советско-германском фронте. Христианско-демократическое правительство не только допускает это безобразие, но и выступает против тех, кто «обижает» этих синьоров, которые в свое время довели Италию до катастрофы, а теперь выслуживаются перед американцами.

При обсуждении «кризиса книги» остро встал вопрос о том, что в Италии еще немногие писатели, даже занимающие прогрессивные позиции в общественной жизни, создают произведения на жизненно важные, актуальные, близкие народу темы. За последнее время вышло несколько таких книг, но число их попрежнему остается еще далеко не достаточным.

Тепло встретила итальянская прогрессивная критика роман Либеро Биджаретти «Карлоне. Жизнь одного итальянца», рассказывающий о том, как простой труженик приходит в ряды коммунистов. Карло Бернари выпустил яркую книгу «Везувий и хлеб». Васко Пратолини написал повесть «Девушки из Санфредиано». В этих произведениях даны картины народной жизни; они не лишены недостатков, но читаются хорошо, имеют успех.

Энрико Дамиани опубликовал «Историю литературы славянских народов». Книга не является всеобъемлющей, но тем не менее представляет определенный интерес.

Прогрессивное издательство «Социальная культура», удовлетворяя горячий интерес к советской литературе, выпустило книги: «Звезда» Э. Казакевича, «Весна в Сакене» Г. Гулиа, «Мы — советские люди» Б. Полевого, «Сражающийся Китай» К. Симонова, «Сын полка» В. Катаева, романы Ванды Василевской. Вышли также избранные произведения Максима Горького, «Первый удар» Андрэ Стиля. Эти произведения всегда выходят большим тиражом и тем не менее быстро расходятся. Когда издательство «Универсале экономика» предприняло издание классиков мировой литературы (Бальзак, Гюго, Чехов и т. д.), стало выпускать произведения советских авторов, книги прогрессивных писателей, воспоминания партизан, то тираж этих произведений немедленно поднялся до 10, 20, 30 и даже 50 тысяч экземпляров. А книга Анри Барбюса «Сталин» разошлась в 75 тысячах экземпляров. Несколько изданий выдержала «Молодая гвардия» А. Фадеева, полностью распродано издание книги М. Садовяну «Митря Кокор», китайской драмы «Седая девушка». Так происходит со всеми книгами советских писателей и писателей стран народной демократии. Можно сказать, что большими тиражами выпускают книги только издательство «Универсале экономика», а также издательства итальянской коммунистической партии. Это относится, разумеется, и к изданиям произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, произведений Грамши, Тольятти.

Если на книжный рынок выходит действительно хорошая книга, то ее раскупают даже при нынешнем экономическом положении. Дело, следовательно, не только в тяжелых экономических условиях.

Трудящиеся тянутся к хорошей книге, к образованию.

Очень интересным было выступление на Болонском конгрессе рабочего Камполунги, редактора газеты «Воче АТМ» (Голос Союза миланских трамвайщиков). Он сказал: «Мы публикуем в нашей газете историю славной борьбы миланских трамвайщиков. У нас есть рубрика «Писатели из народа», где мы печатаем произведения, присланные в редакцию нашими читателями. Каждую пятницу редакция организует вечера с участием писателей, поэтов, критиков. Мы выпускаем литературно-политический календарик, на который подписано 12 тысяч миланских трамвайщиков».

Недавно итальянская Всеобщая конфедерация труда опубликовала сборник новелл, написанных рабочими для литературного конкурса, организованного журналом «Лаворо» («Труд»).

Мы можем отметить широкое развитие фольклорного искусства во многих областях Италии. Мы узнали о поэтах-импровизаторах из Тосканы, о народных певцах в Лациуме, о традиционных представлениях в деревнях Сицилии. Эти формы народного искусства всегда бывают прекрасно представлены на ежегодных праздниках газеты «Унита».

Большое внимание прогрессивные организации уделяют культурному воспитанию женщин. В Италии, где женщина лишь формально обладает равными правами с мужчиной, где в трудовой семье девочки обычно обречены на религиозное воспитание, эта проблема чрезвычайно остра. Наша прогрессивная женская печать оказывает большую помощь в области культурного развития итальянских женщин, над которыми тяготеет свинцовый груз невежества и суеверий. Конгресс женской печати, проходивший в октябре прошлого года в Риме, заложил основы «Женских культурных объединений», развивших широкую деятельность в таких городах, как Неаполь, Флоренция, Палермо. Огромное политическое и организационное значение имел недавний Съезд итальянских женщин, созванный по инициативе Союза итальянских женщин. Впервые в Италии с трибуны съезда женщины заявили во весь голос о своих правах на участие в политической и культурной жизни страны.

Ряд полезных мероприятий проведен нашими общественными организациями в сфере воспитания молодежи. Хорошим начинанием была «Неделя детской книги». При многих рабочих клубах созданы сейчас детские библиотеки.

В то время как итальянская буржуазия отдает судьбы нашей страны в руки заатлантического хозяина, выбросив за борт знамя национальной независимости, трудящиеся массы и их авангард — коммунистическая партия вместе с социалистами и со всеми искренними демократами—поднимают это знамя. Борясь за свою независимость, они одновременно борются за культурное достояние Италии, за наших великих ученых, писателей и поэтов, артистов, которые прославили нашу страну и внесли свой драгоценный вклад в мировую культуру.

И, как всегда, в этой борьбе за свободу и за культуру великим примером для нас является Советский Союз. Никакой занавес печатной лжи не может воспрепятствовать итальянскому народу узнать правду о победах страны Советов. Нельзя скрыть, что в Советской стране все трудящиеся любой национальности могут поступить в университет, в то время как у нас в столице Италии 30 тысяч детей не посещают начальной школы. Нельзя скрыть, что в СССР книг выпускается во много раз больше, чем в капиталистических странах.

«Болезнь века», истинные причины которой клерикальные «лекари» из газеты «Фьера леттерариа» и других органов реакционной прессы пытаются скрыть за плотной пеленой словесного тумана, продолжает действовать на итальянскую буржуазную культуру с неумолимой разрушительной силой.

И «кризис книги» в Италии — одно из зловещих последствий этой болезни.

Международные отклики

ВДОХНОВИТЕЛИ ДИВЕРСИЙ И ПРОВОКАЦИЙ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

В середине июня, в те самые дни, когда иностранные наймиты организовали в Берлине фашистскую провокацию, в американском конгрессе проходило обсуждение новых ассигнований на так называемую военную помощь иностранным государствам. Эта помощь, как известно, предоставляется по «закону о взаимном обеспечении безопасности», принятом еще в 1951 году. Центральная печать уже сообщила, что 2 июля сенат США ассигновал для этих целей на очередной финансовый год 5.318 миллионов долларов.

Может показаться на первый взгляд, что между упомянутыми выше двумя событиями, одно из которых имело место в Берлине, а другое — в Вашингтоне, нет прямой связи. Но так ли это? Известная поправка Керстена к «закону о взаимном обеспечении безопасности» предоставляет американскому правительству право использовать определенную часть ассигнованных средств на финансирование подрывной, диверсионной деятельности на территории Советского Союза и других миролюбивых государств. Как показывают факты, сфера действия этого «подрывного закона»— так именует его часто зарубежная печать — непрерывно расширяется. 13 июня американское агентство Юнайтед Пресс сообщило, что правительство США, не дожидаясь принятия законопроекта об ассигнованиях на «военную помощь» в целом, добилось первоначального одобрения конгрессом средств для финансирования «антикоммунистического подполья». Для этой цели было ассигновано на этот раз 95.700 тысяч долларов. В сообщении Юнайтед Пресс специально подчеркивается, что если раньше использование этих средств ограничивалось только Европой, то теперь оно будет распространено и на страны Азии.

Итак, снова огромные средства ассигнованы на расширение шпионской и диверсионной сети США в демократических странах, на подстрекательство к волнениям и беспорядкам. Ведь именно вскормленные за счет подобных сумм, теперь это уже ясно всему миру, провокаторы и диверсанты и пытались вызвать беспорядки в Берлине. За день до провокации 17 июня выходящий в Бонне официальный бюллетень «Боннер аусенполитише корреспонденц» писал, что в ближайшее время «может вступить в действие политика «освобождения Европы» и что «в результате этого могут быть вызваны инциденты»...

Что же представляет собой эта политика «освобождения Европы»? Ответ на этот вопрос нетрудно найти в американской печати. Недавно в журнале «Зис уик мегэзин» была опубликована на эту тему статья Джеймса Бернхэма, одного из идеологов американской реакции. Шпионская и подрывная деятельность против демократических стран демагогически именуется Бернхэмом и ему подобными «политикой освобождения».

В своей статье Джеймс Бернхэм призывает неуклонно проводить пресловутую «политику освобождения» — политику диверсий против миролюбивых народов, «независимо от того, насколько сложны и труднопроводимы могут оказаться детали ее применения». Говоря об этой политике, Бернхэм имеет в виду, как он сам разъясняет, «то, что обычно рассматривается как «провокационные действия».

Надо сказать, Джеймс Бернхэм вряд ли может пожаловаться на то, что его советы и рецепты не были использованы правящими кругами США — за последние годы немалое число американских диверсантов и шпионов было поймано на месте преступления в демократических странах. Политика диверсий лежала и в основе провокации, организованной иностранными наймитами в Берлине. Теперь вдохновители этой провокации стараются замести следы преступления.

Весьма характерно, что американский комендант, как и коменданты других западных секторов Берлина, в своем письме коменданту восточного сектора Берлина генерал-майору Диброву поторопились заявить о непричастности западных держав к событиям 17 июня. Однако даже буржуазная печать США и Западной Европы открыто рассматривает провокацию в Берлине, как прямой результат американской политики «психологической войны», поддерживаемой другими западными державами.

Лондонский еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн» пишет в связи с этим, что «миллионы долларов расходуются на американскую пропаганду в Германии и, в частности, на организацию «подпольного движения» в Германской Демократической Республике. Журнал прямо признает, что «ничего этого не могло бы произойти (имея в виду события 17 июня.— **Лит.**), если бы Западный Берлин не занимал исключительного положения аванпоста в сердце Восточной Германии».

И даже теперь, когда фашистская авантюра в Берлине провалилась, когда широкие народные массы всех стран осудили организаторов этой провокации, на страницах реакционной западной прессы продолжается клеветническая кампания против ГДР и стран народной демократии, раздаются призывы к организации новых провокаций в еще более широких масштабах. Так, в «Нью-Йорк геральд трибюн» небезызвестные братья Олсоп пишут, что ради этого «стоит пойти на значительный риск». Они цинично говорят о необходимости создания в странах народной демократии «активного подполья» из антинародных, реакционных сил. Они распространяются о «правильных мерах подстрекательства при помощи простой радиопропаганды». Другая газета крупных финансистов США — «Уолл-стрит джорнел» откровенно признает, что американская реакция намерена пытаться вызывать «саботаж, пассивное сопротивление, открытые требования и небольшие восстания...»

В свете подобных рассуждений ведущих органов печати США кто же поверит в «непричастность» определенных американских кругов к событиям в Берлине?

Откровенные заявления американской реакционной печати свидетельствуют о том, что кое-кто за океаном не извлек уроков из провала фашистской провокации в Берлине. Об этом, в частности, говорит и такой факт, как поспешная передача Соединенными Штатами 50 миллионов долларов в распоряжение обербургомистра Западного Берлина Эрнста Рейтера, одного из непосредственных руководителей фашистской провокации 17 июня. Так монополистические круги, заинтересованные в сохранении напряженности международных отношений, стараются подбодрить своих агентов и вынашивают планы новых провокационных актов, которые должны, по мысли их вдохновителей, помешать налаживанию международного сотрудничества.

Опыт истории показывает, что политика диверсий и провокаций, к которой прибегают всегда реакционеры, неизбежно терпела крах, разбиваясь о бдительность народов, защищающих независимость, демократию и мир. Несомненно, что обречены на провал и любые новые попытки такого рода.

ЛИТЕРАТОР

История одной медали

Выпускной вечер в женской школе. Вот уже почти все девяносто учениц получили аттестаты зрелости, когда к директору школы подошел... юноша. И ему директор вручил документ об окончании киевской женской средней школы № 33.

...Несколько лет назад ученицы этой школы узнали, что по соседству с ними живет прикованный тяжелой болезнью к постели мальчик—Женя Красавцев. Девочки решили помочь ему получить среднее образование. Они пришли в гости к мальчику, разговорились и как бы невзначай предложили заниматься вместе. Женя с радостью согласился.

С того дня на квартиру к больному стали ходить то ученицы, то учителя женской школы. Женя старался учиться хорошо и каждый год успешно переходил из класса в класс. Настоящей и крепкой была эта дружба девочек с больным мальчиком, она благотворно влияла и на его здоровье.

Естественно, что по выздоровлении Женя пожелал продолжать учиться в этой же школе. Он окончил ее, получил аттестат зрелости. За отличные успехи в учебе Евгений Красавцев представлен к золотой медали.

Вечер закончился. Но никто не расходится, идут разговоры о том, кто кем хочет быть. Одни—историками или врачами, другие— инженерами или актрисами, третьи — геологами или летчицами.

— Давайте об этом поговорим у Днепра! — предложил кто-то, и школа быстро опустела.

По давней традиции киевлян, передающейся из поколения в поколение, выпускники направились в парк над Днепром встречать ранний рассвет. Там уже собрались сотни юношей и девушек из других школ. Всю ночь в парке звучали песни и смех, но когда занялась заря, юноши и девушки, словно сговорившись, умолкли, наблюдая, как за днепровским плесом подымалось солнце.

Так радостно встретили утро нового дня девяносто девушек и один юноша, окончившие 33-ю женскую школу Киева.

Л. ЗЕМЛЯКОВ,
Б. ХАНДРОС

КИЕВ

МИНУСИНСКИЕ САДЫ

С. ЛАТЫШЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Человеку, привыкшему слышать и читать о Сибири, как о суровом крае, с лютыми морозами и губительными ветрами, кажется невероятным, что под Минусинском, вблизи отрогов седых Саян, могут цвести и плодоносить сады. Прежде утверждали, что в Сибири невозможно разводить сады, выращивать малину, крыжовник. Этнограф Кастрен писал, что Минусинск окружают голые степи и песчаные пустыни.

Как изменился пейзаж здешних мест, особенно за последние пятнадцать-двадцать лет! На степных просторах колхозники выращивают отменный урожай яровой пшеницы — основной полевой культуры. Радуют глаз сады. На редкость хороши они в мае, когда цветут. И цветут не какие-нибудь дикие или полудикие, а самые настоящие культурные плодовые деревья.

Сибирские садоводы одержали победу в борьбе с капризами природы, пятидесятиградусными морозами и жгучими ветрами. Колхозы научились разводить и стелющиеся сады, чтобы уберечь их от морозов, и выращивать обычные яблони и груши во весь их рост — штамбовой формы, как говорят ученые.

Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что Минусинский район — пионер массового садоводства в Красноярском крае. В самом деле, если в 1934 году в районе было лишь семьдесят гектаров садов, то в 1942 году только в колхозах насчитывалось уже свыше шестисот гектаров, а в прошлом году — почти восемьсот. К концу нынешнего года площадь под плодовыми насаждениями будет расширена еще на сто гектаров.

Эти цифры говорят о многом. Они свидетельствуют о том, что минусинские колхозы в суровых климатических условиях Сибири сумели создать новую для здешних мест отрасль сельского хозяйства — плодоводство. И это сделано не в ущерб другим отраслям колхозного производства. Район занимает первое место в крае по валовому сбору зерна. Успешно развивается в районе и животноводство. За высокие урожаи пшеницы и достижения в животноводстве 39 колхозников и специалистов удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Важно отметить, что одновременно с расширением колхозных садов росла и их урожайность. Пять лет назад валовой сбор ранетки и крупноплодных яблок в районе составлял около четырех тысяч центнеров, а в прошлом сезоне — в пять раз больше. Сады приносят большие доходы. В прошлом году колхоз имени Ленина, например, от продажи яблок получил шестьсот тысяч рублей, «Объединенный труд» — четыреста тысяч, «За коммунизм» — триста с лишним тысяч рублей.

Чем объяснить, что из районов Красноярского края, да и, пожалуй, всей Сибири наиболее быстро развивается садоводство именно в Минусинском районе? Может быть, тут наиболее подходящие условия?

Объясняется все довольно просто. Последние десять-пятнадцать лет районом руководили люди, которые по достоинству оценили значение плодоводства, серьезно занялись развитием этой важной отрасли сельского хозяйства, сами стали страстными энтузиастами-садоводами. Секретарь райкома партии, Герой Социалистического Труда Николай Васильевич Шпрунг — коренной сибиряк, родился неподалеку от Минусинска, в Сибири начал свою трудовую жизнь, здесь же вступил в Коммунистическую партию. Несмотря на большую занятость, Николай Васильевич находит время покопаться в своем саду, где у него и яблони, и вишни. Хозяин сам посадил и вырастил деревья, сам за ними и ухаживает. Шпрунг настойчиво прививает любовь к садоводству председателям колхозов, бригадирам, советует им, что почитать, помогает достать саженцы.

Такими же страстными садоводами показали себя бывший председатель исполкома Минусинского районного Совета Иван Илларионович Штромило (ныне секретарь Емельяновского райкома партии) и бывший заведующий районным отделом сельского хозяйства Георгий Андреевич Рузаков. Оба они — Герои Социалистического Труда, многое сделали для развития садоводства в Минусинском районе.

Большую помощь оказывают колхозным садоводам научные сотрудники Минусинского плодово-ягодного опытного поля. Из двухсот сортов плодово-ягодных насаждений, изученных на опытном поле, колхозам рекомендованы самые морозостойкие и высокоурожайные сорта. В районе создан питомник. За двадцать лет в нем выращено свыше полутора миллионов саженцев.

На опытном поле выведен десяток новых сортов яблонь, смородины и малины, определена наиболее удобная для местных климатических условий форма минусинского стланца (стелющейся яблони). В сибирских условиях нужен особенно внимательный и любовный уход за садами. Деревья на зиму приходится «пеленать» — укрывать соломой, бурьяном, камышом, землей, а иногда и снегом. Научные сотрудники опытного поля разработали для колхозов целую систему агротехнических мер по уходу за садами.

Колхозники с уважением говорят о научных работниках — В. Шевченко, Е. Куминове, Д. Балашовой. Они — частые и желанные гости в колхозах, проверяют состояние садов, советуют, какие применить агротехнические приемы, чтобы собрать высокие урожаи плодов, проводят семинары. Опытное поле стало подлинным центром садоводческой культуры в районе.

Опора опытного поля — колхозные садоводы-опытники. Это настоящие энтузиасты колхозного садоводства, преобразователи природы, мичуринцы. Рядом с обширными колхозными садами заложены небольшие участки с плодово-ягодными насаждениями для опытов и селекционной работы.

Широко известен среди садоводов Минусинска и всей Сибири талантливый мичуринец Павел Сергеевич Ермолаев из артели «Объединенный труд». Его стараниями в колхозе создан сад площадью в сорок с лишним гектаров. Ермолаев — человек пытливый, настойчивый, глубоко любящий и знающий свое дело. Встретиться мне с ним пришлось в тот момент, когда он осматривал деревца высотою в полтора-два метра.

— Это сливо-вишневый гибрид, — объяснял Павел Сергеевич, и лицо его озарялось счастливой улыбкой. — Третий год уже плодоносят. И плоды какие! Темнокрасные, сочные, нежные. Каждая ягодка весит шестнадцать граммов. Нет, вы не поймете, какое это чудо — сливо-вишневый гибрид! Приезжайте к нам осенью: попробуете — тогда оцените.

За долгие годы работы в колхозе Павел Сергеевич Ермолаев вывел десятки новых сортов плодовых деревьев. Многие из них — ранетка Ермолаева, шафран-сибирка, шафран-пурпурка, аврик и другие — получили широкое распространение за пределами Минусинска.

Назову еще одного знаменитого здесь опытника. Это 70-летний колхозный селекционер Филимон Иванович Гребнев из артели имени Ленина. Выведенные им сорта плодово-ягодных культур пользуются доброй славой в различных районах Сибири.

У опытников учится молодежь. Хорошие кадры готовит краевая школа садоводов, находящаяся в Минусинске. Двести ее выпускников работают в колхозах. Нередко случается, что курсанты проходят практику у бывших питомцев школы. В артели «За коммунизм» я видел, как группа учащихся школы закладывала новый сад. Руководил работами бывший ее воспитанник, ныне колхозный садовод Владимир Гладков. Ему 17 лет, однако колхоз доверил ему сад, раскинувшийся более чем на сорока гектарах.

* * *

До сих пор говорилось о достижениях минусинских садоводов, о том, как они обновляют землю, преобразуют край. Но стоит рассказать и о том, что еще не сделано, какие трудности приходится преодолевать, чтобы двигать вперед садоводство в Сибири. Известно, например, что для нормального развития плодовых деревьев требуется не менее четырехсот-пятисот миллиметров осадков в год. В Минусинском районе их выпадает значительно меньше. Отсюда задача — поливать сады, чтобы они быстрее развивались, лучше плодоносили.

Научные работники опытного поля утверждают:

— Плодоносящему дереву только в первую половину лета нужно дать, примерно, девяносто ведер воды.

Подсчитано, что в саду колхоза имени Ленина растет около тридцати тысяч деревьев. Чтобы обеспечить их влагой, нужно более двух миллионов ведер воды. Попробуйте сделать это вручную!

И первое, чего добиваются минусинцы, — и давно добиваются! — это механизация полива садов. В районе все, что можно было сделать своими силами, уже сделано. Для полива нужны насосы, трубы и прочее. Заявки на них район ежегодно подает в краевое управление сельского хозяйства и заготовок, но требования садоводов, как правило, остаются неудовлетворенными.

Плохо оснащены колхозы и машинами для ухода за садами. Даже опытное поле не обеспечено ими! Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР хорошо осведомлено о нуждах минусинцев, но действенной помощи сибирским садоводам не оказывает.

Колхозные садоводы и районные работники серьезно ставят вопрос о реализации продуктов садоводства. В прошлом году, например, колхозы заполонили яблоками магазины и рынки Минусинска, Абакана, Черногорска. Сотни тонн фруктов могли бы отправить в Красноярск, Ачинск, Енисейск. Однако речники и железнодорожники не смогли обеспечить колхозы транспортом, да и тара не была заготовлена.

Конечно, можно и не возить фрукты за шестьсот-семьсот километров, а перерабатывать их на месте, но для этого нужны плодоперерабатывающие предприятия. А их-то как раз и нет в Минусинске.

Досадно, что краевые организации, в первую очередь краевое управление сельского хозяйства, слабо используют богатый опыт минусинских садоводов. Как ни странно, но факт, что в девятнадцати районах края совсем нет садов, а ведь их можно разводить на землях, простирающихся вплоть до Игарки. Если судить по климатическим и почвенным условиям, то, скажем, в Ермаковском, Бейском, Аскизском, Усть-Абаканском и других районах они гораздо лучше, чем в Минусинском. Тем не менее плодовыми насаждениями здесь занимаются слабо. Думается, что нет вкуса и должной любви к такому большому делу, как садоводство, у начальника краевого управления сельского хозяйства и заготовок тов. Карпенко и его заместителя тов. Селезнева.

Еще до войны в крае звучал призыв: «Каждому колхозу — фруктовый сад!»

Что ж, это вполне под силу красноярским колхозам!

МИНУСИНСК—КРАСНОЯРСК

ОТ МОСКВЫ ДО ЯКУТСКА...

На заседании комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения В. Г. Короленко

В 1881 году В. Г. Короленко поселился в двухстах верстах за Якутском, в слободе Амге, куда был сослан за отказ от присяги новому царю, Александру III. Несмотря на тяжелые условия ссыльного быта, писатель трудился без устали: работал над своими литературными произведениями, занимался живописью, шил сапоги для якутов и учил русской грамоте двадцать якутских детей. Сейчас в Амге больше пятисот школьников, но нет школы, которая носила бы имя В. Г. Короленко.

Об этом шла речь в Союзе советских писателей СССР на заседании комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения В. Г. Короленко под председательством Ф. Гладкова. Комиссия решила поставить перед правительством Якутской АССР вопрос о присвоении Амгинской школе имени писателя.

На этом же заседании сообщено, как будет отмечена память В. Г. Короленко в республиках, краях и областях. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и его отделения организуют в июле и августе доклады, беседы и лекции о жизни и творчестве писателя; в ближайшее время начнутся радиопередачи, в программу которых включены его произведения. Литературно-художественные журналы опубликуют статьи. Министерство связи СССР выпускает почтовые марки с изображением В. Г. Короленко.

В день рождения писателя, 27 июля, в Москве Союз советских писателей СССР проведет торжественное заседание, на котором после доклада о жизни и творчестве В. Г. Короленко будут исполнены отрывки из произведений писателя. Заседания, посвященные памяти В. Г. Короленко, состоятся также в Ленинграде, Якутске, Горьком, Полтаве.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✱ **Присуждение премий.** Совет Министров Казахской ССР присудил первую премию имени Абая Кунанбаева Г. Мустафину за роман «Караганда»; вторые премии — М. Звереву за книгу рассказов и очерков «У лесного костра» Х. Наурзбаеву — за скульптуру «Победитель»; третью премию — С. Карымбаеву за музыкальное произведение «Онтустыкте ак алтын» («Белое золото юга»). Первая премия имени Джамбула Джабаева присуждена М. Тулебаеву за кантату «Огни коммунизма», вторая — С. Мухамеджанову — за симфоническую поэму для оркестра казахских народных инструментов «Родина радости».

✱ **Опера «Мазепа» поставлена студентами.** Студенты—выпускники государственной консерватории в Риге показали на сцене Латвийского театра оперы и балета оперу П. Чайковского «Мазепа». Партию Мазепы исполнил Л. Куриков, Марии — Р. Малынь, Кочубея — И. Бушкин.

✱ **У художников Закавказья.** В Тбилиси состоялась творческая конференция художников Грузии, Армении и Азербайджана. Конференция была созвана в связи с экспонированием в Тбилиси Всесоюзной художественной выставки 1952 года.

✱ **Бульвар на Крещатике.** Вдоль главной улицы Киева—Крещатика создается бульвар. Асфальтированная панель будет отделена от зеленой зоны бульвара гранитным цоколем и откосом, украшенным декоративными растениями. От откоса начнется терраса бульвара. Она соединится с панелью гранитными лестницами, которые будут оформлены скульптурами и художественными вазами. Бульвар украсят большое количество деревьев, цветов, а также фонтаны.

✱ **Научный труд секретаря райкома партии.** Ученый совет Института земледелия имени Вильямса в Алма-Ате присвоил ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук А. Закирченко, бывшему агроному, а ныне секретарю Мамлютского райкома партии. Свою диссертацию А. Закирченко посвятил агротехнике многолетних трав в условиях Северо-Казахстанской области.

✱ **Путевки для колхозников.** Колхозные кассы взаимопомощи Краснодарского края организуют отдых и лечение членов сельхозартелей. Приобретены тысячи путевок в дома отдыха и санатории Черноморского побережья Кавказа, Кубани, Крыма и Ставрополья.

✱ **В пустыне Кзыл-Кум.** Огромные отары каракульских овец находятся сейчас в пустыне Кзыл-Кум. Для культурного обслуживания чабанов туда направлены агитмашины. Чабаны могут посмотреть кинофильмы, получить в библиотеке агитмашины книгу, послушать лекцию.

В СЕЛЬМАГЕ

В центре села стоит дом, широкие окна которого сразу же привлекают внимание: здесь, как на витрине городского магазина, нарядно представлены товары — ткани, посуда, книги, детские игрушки... Чего только нет в магазине села Стрелецкого, Ядринского района!

Внешне это село ничем не отличается от многих других сел и деревень Чувашской АССР: такие же деревянные домики с занавесками и цветами на окнах; такие же зеленые улицы; такие же обширные здания колхозных ферм... Жители села — члены колхоза имени Буденного. Не так богат он, как, скажем, прославленная артель имени Сталина, Вурнарского района, но и не беден. В прошлом году колхозники получили на трудодень по три килограмма зерна да по три рубля деньгами. Колхоз с каждым годом растет; крепнет его экономика, а вместе с тем возрастает и спрос колхозников на разнообразные товары.

Одна колхозница сказала нам:

— Не могу пожаловаться, в нашем сельмаге есть что купить...

И в самом деле, стоит войти в сельмаг, чтобы убедиться, что колхозница права. В просторном и светлом помещении не только за прилавками, но и вдоль стены — у входных дверей — можно увидеть аккуратно разложенные или расставленные товары. Здесь есть все, что украшает нынче быт колхозного села: радиоприемники и патефоны, кровати и велосипеды, шкафы и стулья, готовое платье и шелковые ткани, часы и парфюмерия.

В магазине образцовый порядок и чистота. Продавец Екатерина Ивановна Труновская, работавшая раньше в городе Горьком, беседует с нами о спросе покупателей.

Впрочем, ей некогда рассказывать о том, что здесь покупают колхозники, да, пожалуй, и незачем. Мы сами видим, как колхозница выбирает модельные туфли, присматриваясь к марке обувной фабрики, а парни, внимательно оглядывая велосипеды, вполголоса обсуждают преимущества «харьковских» и «горьковских» по сравнению с «минскими». Пожилая женщина покупает ребенку книжку. А вот подростки «прицениваются» к фотоаппарату.

Товары быстро расходятся. Самоваров не осталось на полке; велосипеды тоже разобраны — надо уже подумать о новом завозе; радиоприемников, особенно таких дешевых и удобных в сельских условиях, как «Тула», всегда не хватает. Учительницы просят завезти дамские велосипеды; молодые колхозницы требуют дамские ручные часы. Большой спрос на тюль, на штапельное полотно...

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Екатерина Ивановна Труновская наладила культурную торговлю в Стрелецком. Дело не только в том, что она умеет показать «товар лицом», что вежливо разговаривает с покупателями, предлагая им что-нибудь, выслушивая претензии. Она завела специальную тетрадь, в которой отражен спрос на товары. Колхозницы требуют, чтобы в сельмаге было побольше шерстяных тканей, — и Екатерина Ивановна сообщает об этом своему непосредственному начальству; колхозницам нужны швейные машины, — и Екатерина Ивановна настойчиво требует их от председателя райпотребсоюза тов. Ярузова. Она следит за ассортиментом и всегда стоит на страже интересов покупателя.

В нашем присутствии Труновская выговаривала председателю сельпо тов. Поздееву:

— Как же это так: в инструкции сказано, что при каждом велосипеде имеется «аптечка», а ее нет? Почему вы на базе не проверяете? Или думаете, что колхозник не читает инструкции?

Да, колхозники читают «инструкции» и отлично разбираются в качестве товаров. Они критикуют кооператоров, если те, выставив в магазине радиоприемники, не позаботятся о «питании» к ним. Разве не хватает батарей на базе? Или стулья. Каждому хочется приобрести хороший стул, а их-то как раз и нет в магазине.

Не так давно в чувашской деревне было принято спать на печке, на полатях, а то и на полу. Теперь это в прошлом. Свидетельство тому — большой спрос в сельмаге на кровати, причем колхозники интересуются не только простыми железными койками; хочется купить кровать подороже — никелированную.

Мы беседуем с рядовой колхозницей Екатериной Степановной Кочергиной о делах артели имени Буденного, об урожаях, доходах колхозников, их нуждах и запросах. Екатерина Степановна замечает с улыбкой:

— Сказывают, будто мы кое в чем уже перегнали лучший в Чувашии Кольцовский колхоз имени Сталина. Там ведь нет такого сельмага. Ну, а мы все-таки недовольны своими кооператорами. Подумайте только, недавно нам с мужем пришлось за пустяком ехать в Чебоксары. Дочку выдавали замуж, так потребовалось купить тюль, нужны были и хорошие закуски для свадьбы. Ну, а в нашем сельмаге как раз этого не оказалось...

В селе Стрелецком, в его образцовом сельмаге, невольно вспомнили мы прошлое — «сельмаги» голодной, отощалой деревни, грязные, тесные лавки, в которых крестьянки покупали самое необходимое: соль, спички, керосин, фитили для ламп... Давно ли это было? Три с половиной десятка лет назад...

Ныне у колхозника есть достаток, деньги, которые он хочет истратить на полезные и красивые вещи. Если исключить отдельные «каверзные» случаи, то можно утверждать, что стрелецкий сельмаг способен удовлетворить насущные потребности своих покупателей.

Но вот вопрос: все ли сделано для того, чтобы всюду в республике покупатели были так же удовлетворены, как стрелецкие колхозники? Нет, стрелецкий сельмаг пока что фигурирует в Чувашии, как «один из лучших».

Теперь в каждом районе Чувашии есть раймаг; в республике создано 150 сельмагов и 1.200 лавок, где можно купить товары первой необходимости. Но как досадно было нам попасть из образцового стрелецкого сельмага в сельский магазин деревни Хыр-Кассы, Ишлейского района.

По совести говоря, колхозники «обходят» этот сельмаг. Председатель райпотребсоюза тов. Артемьева и председатель сельпо тов. Емельянов формально отнеслись к созданию «торговой точки». Старенький деревянный сарайчик они наполнили разными товарами «вперемежку».

Надо прямо сказать, что чувашские кооператоры еще недостаточно заботятся об улучшении работы сельских магазинов. Нет глубокого изучения спроса, нет рекламы, нет постоянной заботы о том, чтобы удовлетворить нужды населения.

— У меня такое впечатление, — сказал нам секретарь Ядринского райкома партии тов. Хромов, — что наши кооператоры боятся брать товар на базах: «Вдруг не продадим». А у нас любой товар пойдет! Но только хороший, высококачественный!

Справедливые слова! Продавцы стрелецкого сельмага не боятся этого. Они хорошо знают, какие товары нужны населению и какие можно продвинуть. Они проявляют настоящую заботу о потребителе.

Хотелось бы, чтобы и остальные 149 сельмагов Чувашии были похожи на стрелецкий. Это ведь вполне осуществимо.

Ф. КРАВЧЕНКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЧЕБОКСАРЫ

Сергей МИХАЛКОВ

Соринка

КОМЕДИЯ В СТИХАХ *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кузьма Кузьмич ЧЕСНОВ — генерал-майор в отставке, 60 лет
Софрон Тарасович СОРИНКА — кандидат наук, 50 лет
Олимпия Павловна — его жена, 35 лет
Митрофан Петрович ТИТОВ, по прозвищу **Маманегорюй,** — колхозник, а потом сторож на даче Соринки, 55 лет
Акимовна — его жена, 50 лет
Полина — домработница на даче Соринки, 20 лет
Дуня — поденщица на даче Соринки, 40 лет
Плотник — колхозник

Действие происходит в наши дни, в лесной дачной местности, километрах в шестидесяти от города.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Угол дачи на еще не обжитом лесном участке. Деревья подступают к самому дому. На недостроенной веранде плотничает Маманегорюй. Возле дачи, на земле, сложены в штабель новые доски.

Появляются Кузьма Кузьмич Чеснов и Софрон Тарасович Соринка. Чеснов в форме генерала в отставке. Он немного прихрамывает на левую ногу и потому опирается на трость. Соринка в белом чесучовом костюме и соломенной шляпе.

Маманегорюй приостанавливает работу и смотрит в сторону подошедших. Закуривает. Издалека доносится стук молотка — где-то что-то прибивают.

СОРИНКА
(смотрит на курящего плотника)
Ты, Маманегорюй, мне дачу не спали!
Недавно, эдак вот, одну уже сожгли...
Понятно?

МАМАНЕГОРЮЙ
А я, Софрон Тарасыч, аккуратно...
(Осторожно стряхивает пепел в ладонь)
Надумал я бросать курить...
Да все не соберусь зайти к одной старушке —
Она, было, бралась меня заговорить.

СОРИНКА
Бросать — бросай, да не на эти стружки.
(Показывает на стружки, лежащие на полу веранды. Затем обращается к Чеснову)
Ну вот, Кузьма Кузьмич, и все мое владенье.
Какое будет мненье?
Что скажешь?

ЧЕСНОВ
Что скажу?
Хорошие места, как погляжу.
(Присаживается на доски)

СОРИНКА
(садится рядом)
А, главное, река —
И широка, и глубока!
Отменные купанье и рыбалка!
Мне, откровенно говоря,
Как друга старого, тебя немного жалко,
Что строишься не здесь... Зря!.. Зря!..
Ей-богу, зря!
Вот был бы мне соседом,
То я тебя — чайком, то ты меня — обедом...

ЧЕСНОВ
(улыбнувшись)
От заседаний тут одно спасенье.

СОРИНКА
Но, к сожаленью, только в воскресенье!
(Вздыхает)
Природа. Благодать. Покой.
А воздух? Воздух-то какой!
Какие кислороды!
Они-то нам и продлевают годы!
Такому воздуху за аромат с полей
Цена за килограмм не меньше ста рублей. *(Смеется)*
Как, Маманегорюй?

МАМАНЕГОРЮЙ
У нас климáт здоровый:
Песчаный грунт и бор сосновый.
А за рекой — орешник и дубы...
Колхозные леса. Есть ягода... грибы...

ЧЕСНОВ
Ты здешний?

МАМАНЕГОРЮЙ
Тутошний, товарищ генерал.

ЧЕСНОВ
Был на войне?

МАМАНЕГОРЮЙ
Свое отвоевал.

ЧЕСНОВ
Пехота-матушка?

МАМАНЕГОРЮЙ
Мы по саперной части.
До революции и при советской власти.

СОРИНКА
В каких чинах пришел домой с войны?
Что на погонах?

МАМАНЕГОРЮЙ
Лычки старшины.

СОРИНКА
(назидательно)
Ты, Маманегорюй, довольствовался малым!
(показывая на Чеснова)
Он начал рядовым, а кончил — генералом!

МАМАНЕГОРЮЙ
У моего зятька братеник есть —
Недавно тоже в замминистры вышел!

СОРИНКА
Когда он с головой — поднимется и выше.

ЧЕСНОВ
Куда уж выше-то? И так большая честь.
(Маманегорюй уходит за угол дачи)

СОРИНКА
(помолчав, глубокомысленно)
Вот так кругом оглянешься порою,
И видишь явственно, какие ж мы герои!
Какой берем разбег! Какой подъем!
Какой пример другим даем!
И нам, — на это заслужившим право, —
Тут, что ни говори, а слава! Честь и слава!
Отрадно сознавать...

ЧЕСНОВ
(перебивает, с улыбкой)
...что мы сейчас вдвоем,
И эта речь о славе и о чести
Звучит в таком уединенном месте.

СОРИНКА
А разве я не прав? Кем были и кем стали?
Добились мы того, о чем отцы мечтали!
Что пережить пришлось?.. Четвертая война!
Да что припоминать? Взглянуть на ордена!..

ЧЕСНОВ
Мы зачастую судим друг о друге,
В виду имея старые заслуги.
Теперь иные времена —
Кто нерадив, с тем разговор короткий, —
Не спрячешься за орденской колодкой!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(голос за сценой)
Бутýзя!

СОРИНКА
(Чеснову)
Олимпия Павловна. *(Многозначительно)*
Жена! *(Уходит)*
(Появляется Маманегорюй. Он поднимается на веранду. Продолжает работать. Чеснов молча наблюдает за ним)

ЧЕСНОВ
(после паузы)
В колхозе состоишь?

МАМАНЕГОРЮЙ
А как же... С основанья...

ЧЕСНОВ
Там состоишь, а плотничаешь тут?

МАМАНЕГОРЮЙ
(туманно)
Приказано. Такое есть заданье,
Софрон Тарасычу оказано вниманье...
(Внезапно замолкает)

ЧЕСНОВ
Что замолчал?

МАМАНЕГОРЮЙ
Да сами вон идут...
(Появляется Соринка с женой. У Олимпии Павловны в руках рулетка)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(Чеснову)
Давала указания рабочим,
Прошу меня простить!
(Обращается к плотнику)
Вас, Маманегорюй, сегодня, между прочим,
Я, кажется, смогу пораньше отпустить!
Ну, а сейчас возьмите-ка топор
И вместе с мастером, что ставит нам забор,
Пойдите и срубите старый клен
С той стороны, где будет наш балкон.
(Маманегорюй берет топор и уходит)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(Устало вздыхает. Обращается к Чеснову)
Софрон Тарасыч позвонил куда-то,
И плотников нам выделил колхоз.
Хорошие, толковые ребята,
Но то у них — уборка, то — покос...
Отпросятся на день, уходят — на три дня,
А я сижу и жду. Замучили меня!
(Вытирает платочком лоб)

СОРИНКА
(осуждающим тоном)
Упала дисциплинка.
Избаловали мы народ,
Поди, у каждого еще своя скотинка,
Свой приусадебный участок, огород!
Он свой-то урожай всех раньше уберет!..
Да! У иных в сознании пока
Сидит упорно «собственная репка»!
За пережитки надо браться крепко, —
Их корчевать — задача не легка! Ой, не легка!
(Вздыхает. Задумывается)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(Чеснову)
На этой стройке я сойду с ума!
За всем, за всем должна следить сама,
А если где не доглядела,
То знай, что будет все не так —
Все косо, криво, кое-как.
Тут — гвозди кончились, там — не хватило мела,
Те — просят на вино, а эти — на табак.
В четверг — за кирпичом, в субботу — за штакетом,
И при этом
В такую-то жарý, да по таким делам!
Ну, хорошо еще, Софрон Тарасыч сам,
Где надо, поднажмет своим авторитетом.

ЧЕСНОВ
(с иронией)
В сравненье ли идут все званья и чины
С талантами такой, как вы, жены!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Ну, что ж, друзья! Я вас хочу просить
Минут через пятнадцать закусить!
(Уходит в дачу)

СОРИНКА
(Чеснову)
Вот так, Кузьма Кузьмич! Ты, стало быть, в отставке.
Что будешь делать?

ЧЕСНОВ
Будем жить.
Найдем, где руки приложить.

СОРИНКА
Сад разбивать? Копать канавки?
Искать в цветочной лавке
Рассаду всякую? Сажать цветы?..

ЧЕСНОВ
Нет! У меня иные планы.
Сдавать позиции не собираюсь. Рано!
Иные у меня и думки и мечты.

СОРИНКА
Что? Потянуло к мемуарам?

ЧЕСНОВ
Не чувствую себя еще настолько старым.

СОРИНКА
Так что же, если не секрет?

ЧЕСНОВ
Армейской службы тридцать лет
И опыт прошлых войн, что за моей спиной,
Сейчас, как никогда, встают передо мной.
Задумал написать я труд...
Что ж, если б не мое раненье и болезни,
Я был бы в академии полезней.
Но я могу писать. Так пусть меня прочтут!

СОРИНКА
Попробуешь за карандашик взяться?
Ну, что ж, а там, глядишь, не только издадут,
Но, как Вершигоре, и премию дадут?
(Помолчав)
Ты только дай мне тут обосноваться,
Я тоже выкрою, где — час, а где — денек, —
Начну опять писать статьи и книжки!
Есть у меня на этот счет мыслишки:
Колхозный строй — ведь это ж мой конек!
Да-а-а. Овладел я опытом богатым!
Пятнадцать лет считаюсь кандидатом
Общественных наук!

ЧЕСНОВ
Пора бы в доктора!

СОРИНКА
(махнув рукой)
Пора бы, да куда там:
Ни времени недостает, ни рук!
(Появляются Маманегорюй, за ним плотник. На веранду выходит Олимпия Павловна)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Товарищи! Друзья! Прошу до дому!
Накрыла стол по-фронтовому!
(Соринка и Чеснов поднимаются на веранду и проходят в дачу. Олимпия Павловна задерживается)

МАМАНЕГОРЮЙ
Олифа Павловна!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Срубили клен?

МАМАНЕГОРЮЙ
(показывая на плотника)
Срубить немудрено, да вот не хочет он.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
За все, что сделано, платить я буду сдельно.
И это дерево я оплачу отдельно.

ПЛОТНИК
Такое дерево валить, хозяйка, жаль.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
А если мне оно смотреть мешает вдаль?

ПЛОТНИК
Все на учете деревá,
Чтоб дерево свалить, тут надобны права.
На это строгие законы...
А этому-то клену,
Видать, без мала будет сто годков!

МАМАНЕГОРЮЙ
Как утаишь его от лесников?
Хотя б от нашего косого Парамона?
Дотошный он лесник,
Так, мама, не горюй, возьмет за воротник.
(Качает головой)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(тоном, не терпящим возражения)
Срубили дерево! Подумаешь, скандал!
Уж вы-то за него не будете в ответе —
Вы скажете: Соринка приказал!
А мы... мы все потом оформим в райсовете.
(Уходит в дачу)

ПЛОТНИК
(неодобрительно)
Закон для всех один. И раз запрещено,
То будь хоть маршалом, а слушай, все равно!

Занавес

ВТОРАЯ СЦЕНА

Через год, на том же месте.

Деревья вокруг дачи вырублены. Вместо них разделаны клумбы с большим количеством белых роз. На веранде, за столом, сидит Софрон Тарасович Соринка и сосредоточенно считает на счетах, то и дело заглядывая в какие-то записи. На нем полосатая шелковая пижама. На носу очки в роговой оправе. Олимпия Павловна в стороне вяжет букеты из свежих роз. Ей помогает Полина. Готовые букеты стоят в двух ведрах на полу. Все розы синего цвета. Издалека доносится стук молотка — где-то что-то опять прибивают.

СОРИНКА
(считает на счетах)
Сто сорок восемь... Двести тридцать пять...
Ч-чорт!.. Сбился, кажется, опять!
(Проверяет по записям)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Стрекозовы на днях ко мне пристали,
Чтоб я открыла им секрет,
Как красить розы в синий цвет.

СОРИНКА
(не поднимая головы)
Ну, так они, конечно, и узнали!..

* Право первой постановки в Москве принадлежит Театру сатиры.

В сентябре этого года исполняется 125 лет со дня рождения Л. Н. Толстого. Государственное издательство художественной литературы выпускает к юбилею великого русского писателя ряд новых изданий. Книги иллюстрируются рисунками советских художников. Более 50 живописных работ подготовлено художником В. Серовым к роману «Война и мир». Репродукции некоторых иллюстраций В. Серова мы публикуем сегодня.

ДОЧЬ РАБОЧЕГО ПРЕДМЕСТЬЯ

«Если одиночная камера твоя не многим больше бочки из-под яблочного сидра, а решетка перечеркнула клочок неба, то неустанно думай о тех днях, когда ты покинешь свою камеру, когда ворота тюрьмы распахнутся и ты снова ринешься в жизнь, полную тревог, опасностей, борьбы...

Иначе свобода не стоит и пяти су!»

Лишь волевому борцу и вместе с тем натуре пылкой, романтически приподнятой могут оказаться подстать эти гордые слова. Не случайно ими начинается и заканчивается роман Жанны Гаузнер «Я увижу Москву!..», рисующий полную испытаний жизнь молодой французской коммунистки.

«Типичная парижанка из рабочего предместья, хотя ты и родилась на берегу океана»... так говорит о себе заключенная в тюрьму молодая женщина, ожидающая рождения ребенка. И обращаясь к будущему сыну, она твердо верит, что он увидит счастливое будущее: «Я вижу плакаты и стяги над головами демонстрантов: «Мир на земле!»... Я слышу голоса, они несутся из далеких стран, из Германии, из Италии, из Китая, из Америки! Из Советской страны! Москва! Я увижу тебя, увижу!»

Повествование ведется от первого лица, и живые впечатления героини позволяют следить за тем, как складывается и крепнет год от года смелый, прямой характер маленькой Мари-Лу, внучки парижского пролетария Робера Пюшара.

Вся семья Пюшаров хранит и продолжает славные традиции своих предков. Память о Парижской Коммуне берегут не только Пюшары, но и другие жители рабочих предместий столицы; эта память подобна вечно живущему в сердце народа призыву к борьбе за честь и независимость Франции.

Не ограничиваясь изображением личной судьбы Мари-Лу, автор стремится показать размах народной борьбы, нарисовать жизнь французского народа. Писательница часто переносит повествование из многолюдных рабочих кварталов Парижа в маленькую бретонскую деревушку, затерянную на берегу океана.

Основная, ведущая тема книги — это борьба французского народа за свободу и мир, борьба, в которой объединяются вокруг Коммунистической партии Франции представители самых различных слоев населения. Писательница показывает общность интересов и бретонских рыбаков, подвергаемых невероятной эксплуатации, и бастующих парижских рабочих завода «Кольмар»; владелец завода Раймонд Кольмар одновременно грабит и рыбаков Сент-Анн. В его лице Жанна Гаузнер изображает опустившегося выродка, дегенерата. Для него нет ничего святого.

В рядах деголлевцев Раймонд Кольмар действует, как оголтелый враг Франции, но враг неумный и ограниченный. Им все время движут внешние силы; это бездушная, злая марионетка. Иными чертами наделен аббат Корбо. Темное орудие Ватикана, типичный фашист в рясе, он появляется на страницах романа сначала с теннисной ракеткой и янтарными четками в руках, а затем с заряженным револьвером. Убийца в сутане, он прямо угрожает Мари-Лу, которая привезла в Сент-Анн Стокгольмское Воззвание. «Вы принесли сюда, — говорит аббат Корбо, — не только этот текст, вы принесли заразу... Если вы не страшитесь кары господней... то неужели же вас не страшат иные кары?»

Но Мари-Лу, несмотря на свою молодость, получила суровую жизненную закалку. Поэтому ни запугать, ни сломить ее нельзя. В это веришь, ибо видишь перед собою не схему, а живого человека, видишь не только во время жестоких испытаний, а и в те светлые, яркие минуты, которые украшают и облегчают собою трудный путь борьбы. Такие минуты дает людям большая, настоящая любовь.

Тема большой, искренней любви и дружбы проходит через все произведение Ж. Гаузнер, придавая живое звучание многим, даже эпизодическим, персонажам. Особенно светлые блики, сердечные и теплые тона находит писательница, чтобы обрисовать любовь своей героини к Жаку Туану — рабочему авиазовода «Дакс». Грусть и нежность, переплетаясь, окрашивают собою страницы, где писательница с большим лиризмом, сдержанно и немногословно описывает первое свидание Мари-Лу, первый бал. .

Образ героини дышит большой верой в будущее, большой жизнеутверждающей силой и поэтому вызывает самые живые симпатии читателей. Рисуя его, Жанна Гаузнер убедительно показывает, что только таким людям, как Мари-Лу Леварек и ее деревенские и городские друзья, принадлежит будущее Франции.

Запоминается многочисленная рабочая семья Русселей, их спаянность и выдержка в тяжелые дни забастовок. Большой жизненной силой дышит портрет семидесятилетнего кузнеца, коммуниста Робера Пюшара. «Высокий, чуть сутулый, худой, седовласый и седоусый, с морщинами на смуглом лице, в берете набекрень...», никогда не унывающий дед Пюшар — любимец парижского пролетариата. Он погиб во время стачки от руки полицейского, стрелявшего в бастующих рабочих. Похороны деда Пюшара превращаются в грандиозную демонстрацию парижских трудящихся...

Нельзя не отметить мастерство, с которым вкраплены в повествование скупые, но выразительные картины рабочего Парижа с четкими контурами Эйфелевой башни на пасмурном, задымленном небе; пейзажи Сены, загроможденной «эстакадами, пакгаузами, складскими сараями. Баржи, пароходики, катеры проплывали под мостом, и их голоса вторили паровозным гудкам окружной железной дороги». Все здесь вторит рассказу о нелегкой трудовой жизни парижских предместий, и самая Сена рисуется, как неутомимая труженица... Писательница умеет очень экономными средствами создать настроение, близкое тому, какое переживают ее герои, и тем самым сделать их ближе и понятнее нам.

Роман не свободен от недостатков. Трудно согласиться, например, с тем, что Жанна Гаузнер не сочла нужным показать, хотя бы кратко, годы, проведенные героиней в гитлеровском концентрационном лагере. Лишь приблизительно, словно наспех, очерчены важные в произведении образы бретонской родни Мари-Лу, в частности, дед Леварек и сводные братья—Ив и Поль Ксавьер. Особенно досадны недоговоренность, «недотянутость» в обрисовке героя Сопротивления Поля Ксавьера, отдавшего жизнь за родину. О нем в романе даны только самые краткие сведения.

Обстоятельное раскрытие событий подменяется беглым пересказом и на некоторых других страницах. Характерно, что в этих местах заметно меняется и самый тон повествования. Обычно спокойный, сдержанный, как бы изнутри насыщенный эмоциональным содержанием, он вдруг переходит в крикливо-патетическую декламацию.

Эти недостатки легко устранимы, и их надо устранить, потому что в целом «Я увижу Москву!..» — интересная и нужная книга, укрепляющая интернациональные связи трудящихся в их борьбе за мир, внушающая горячие симпатии к трудовому народу Франции. Стоит напомнить: автор книги — советская писательница. Бесспорная заслуга ее в том, что правдивую историю своей героини—французской патриотки Мари-Лу она рассказала не только живо и искренне, но и с большой исторической достоверностью.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Жанна Гаузнер. «Я увижу Москву!..». Роман. «Звезда», № 12. 1952.

Русские повести

Двухтомный сборник «Русские повести XIX века 40 — 50 годов» является продолжением вышедших ранее «Русских повестей 20—30 годов XIX века». Он открывает широкую картину русской прозы первой половины прошлого века, знакомя читателя с произведениями писателей, забытых или редко издаваемых.

В 40-е годы начинают свой творческий путь Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, продолжившие реалистические традиции Пушкина и Гоголя. Наряду с ними в литературе выступают Д. Григорович, И. Панаев, А. Панаева, А. Писемский и другие. При всем различии своих идейных устремлений эти писатели содействовали сближению литературы с жизнью, расширяли круг тем, разнообразие художественных средств.

Основные противоречия эпохи 40—50-х годов были связаны с крепостным правом. Жестокое угнетение крестьянина, надругательство над ним помещика запечатлел Д. Григорович в повестях «Деревня» и «Антон Горемыка». Протест писателя-гуманиста против дикого бесправия и жестокости крепостнических отношений предварял появление «Записок охотника» Тургенева. По прочтении «Антона Горемыки» Белинский писал В. Боткину: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину...» Несомненно, что мы должны во многом пересмотреть оценку Григоровича, обычно изображаемого, как автора сентиментальных идиллий.

К повестям Григоровича примыкают повести В. Даля («Хмель, сон и явь»), Е. Гребенки («Кулик»), также рисующие правдивую картину горестей крестьянской жизни.

Образ «маленького человека», с таким сочувствием показанный Пушкиным в «Станционном смотрителе», а затем Гоголем в «Записках сумасшедшего» и «Шинели», становится в 40-х и 50-х годах одним из центральных. Повесть Д. Григоровича «Капельмейстер Сусликов», повести Я. Буткова «Сто рублей», «Хорошее место», «Горюн», «Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева», И. Кокорева «Сибирка», М. Михайлова «Скрипач» раскрывают трагическую судьбу скромного труженика в условиях крепостнического строя. Хотя ни Григорович, ни Бутков, ни Кокорев не смогли подняться до понимания подлинных причин унижений и гнета, но протестующий вывод возникал из самого характера показанных ими образов. Талантливый музыкант капельмейстер Сусликов в рассказе Григоровича, вынужденный всю жизнь увеселять тупых и наглых покровителей, страстно влюбленный в искусство скрипач в рассказе Михайлова гибнут из-за полного пренебрежения и равнодушия «высших» кругов общества к таланту и судьбе человека.

Значительное место в прозе 40—50-х годов занимают повести, посвященные положению женщины. Вопрос о женской судьбе, об уродливости того воспитания, которое получала девушка в дворянских семьях, трагические последствия брака, основанного на расчете, на деньгах, являлся одним из наиболее острых и актуальных вопросов того времени. Удушливая атмосфера крепостнической среды, безвыходное положение женщины показаны в таких повестях, как «Актеон» И. Панаева, «Полинька Сакс» А. Дружинина, «Тюфяк» и «Виновата ли она?» А. Писемского, «Отец и дочь» А. Плещеева, «Семейство Тальниковых» Н. Станицкого (А. Панаевой). Среди них следует выделить повесть «Семейство Тальниковых», которая рисует духовное уродство дворянской семьи, порождавшей праздность, лицемерие, низменные инстинкты. Иной характер имеет повесть «Полинька Сакс», в которой образы героев даны в сентиментально благонамеренных тонах, далеки от жизненной правды. Поэтому трудно согласиться с той завышенной оценкой, которую дает этой повести автор вступительной статьи.

Если проза 40-х годов представлена в сборнике достаточно полно, то следующее десятилетие показано не столь широко и убедительно. Ведь 50-е годы, в особенности вторая половина их, ознаменованы усилением демократических тенденций под влиянием роста революционных настроений крестьянства, выходом на историческую арену революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова. Это новое направление в русской литературе 50-х годов, хотя и представленное в сборнике именами Кокорева, Плещеева, Михайлова, показано недостаточно.

Вступительная статья проф. Б. Мейлаха содержит широкую и в основном верную характеристику русской прозы 40—50-х годов, подчеркивает нарастание в ней демократических тенденций, дает удачный обзор прозы 40-х годов, но в ней мало говорится о тех изменениях и сдвигах, которые произошли в литературе 50-х годов. Жаль, что автор уделяет недостаточное внимание характеристике стиля писателей.

Несмотря на отдельные недостатки, следует приветствовать это нужное, интересное издание и продолжить выпуск серии, доведя ее до нашей эпохи.

Н. СТЕПАНОВ

«Русские повести XIX века 40—50 годов». I и II тт. Гослитиздат. 1952.

Писатель-демократ

Когда Ионас Билюнас, один из самых талантливых прогрессивных писателей Литвы начала XX века, покидал свой родной Аникшчяй, чтобы ехать в Татрские горы, на литовском небе сгустились мрачные тучи. Царская реакция свирепствовала после революции 1905 года. Будущее самого писателя было безрадостным: тяжелый недуг — чахотка — сломил его силы. В 1907 году Билюнас, едва достигнув двадцативосьмилетнего возраста, умер и был похоронен в Закопане.

Билюнас прошел нелегкий жизненный путь. Царская власть преследовала его. Он был исключен из Тартуского университета за революционную деятельность. Но ничто не могло заставить писателя свернуть с избранного им пути. Последователь революционных и эстетических взглядов Белинского и Чернышевского, Билюнас испытал на себе и благотворное влияние великого Горького. В рассказе «Светоч счастья» писатель еще в 1905 году предсказал близкую победу народа.

Ионас Билюнас — основоположник литовской пролетарской прозы, был замечательным мастером слова. В его произведениях в ярких, сочных красках запечатлены быт и природа Литвы.

В 1905 году Билюнас писал:

Когда умру, меня похороните
На берегу реки Швентойи,
Чтобы могила видела деревню,
В которой я ребенком рос.

Правительство Советской Литвы приняло решение перевезти останки писателя в Аникшчяй. Члены колхоза, который носит имя писателя, отвели для могилы Билюнаса самое живописное место в окрестностях. Дом, в котором Билюнас родился и вырос, превращен в музей писателя.

Правительственная делегация во главе с писателями А. Венцлова и Ю. Балтушисом выехала за останками писателя в народно-демократическую Польшу.

Гроб с останками, доставленный из Польши в Вильнюс, был установлен в зале Союза писателей для последнего прощания. 1 июля, после траурного митинга на площади имени Черняховского, он был отправлен в Аникшчяй. В присутствии 50.000 человек, в большинстве — окрестных колхозников, останки Ионаса Билюнаса преданы земле.

Писатель обрел вечный покой на родной земле.

И. ШИМКУС

ВИЛЬНЮС

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(любуется букетом)
А ведь всего полдня в растворе постояли.
Нет, лучше наших роз нигде в продаже нет.
Ты завтра захвати букет для Моргунова—
Пусть позавидует. Он любит все, что ново.
(У ворот, в саду, раздается звонок. Супруги переглядываются)

СОРИНКА
(поднимает голову)
Звонок.
Кто б это к нам приехать мог?

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Иди, Полина, отопри.

СОРИНКА
(вслед убегающей Полине)
Не позабудь — в «глазок» сначала посмотри!
И если кто опять из финотдела:
Хозяин — улетел, хозяйка — заболела!
(Супруги прислушиваются. В саду хлопает калитка, слышны голоса)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Я слышу голос твоего Чеснова...
(Появляется Кузьма Кузьмич Чеснов. На нем гражданский костюм. В одной руке — трость, в другой — завернутая в газету книга. Софрон Тарасович подымается навстречу гостю)

СОРИНКА
(с преувеличенным радушием)
Олимпия Павловна! Смотри-ка, кто идет!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(неестественно радостно)
Кузьма Кузьмич!

СОРИНКА
Здорово, друг, здорово!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Мы не видались целый год!
(Здоровается с гостем)

СОРИНКА
Я слышал, ты хворал?
(Чеснов поднимается на веранду. Здоровается с хозяйкой)

ЧЕСНОВ
Отбой играть собрался:
Костлявая с косой стояла под окном.
Я не впустил ее, и, видишь, в основном
«Каким я был, таким я и остался!»
Вот, разве что, страдать стал больше от ноги...
(Похлопывает себя по колену)
Сегодня выбрался и вас решил проведать...

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(любезно)
Добро пожаловать! И просим отобедать—
У нас как раз с грибами пироги.

ЧЕСНОВ
(обратив внимание на розы в ведрах)
Какие удивительные розы!
Как будто посинели от мороза.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(сухо)
Да! Эти розы не на всякий вкус.
Кто любит ананас, а кто арбуз!
(Берет ведра с букетами, уносит в дом)

ЧЕСНОВ
(Соринке)
Я не хотел твою жену обидеть,
Мне просто синих роз не приходилось видеть!
(Помолчав)
Чуть не проехал мимо вашей дачи.
Спасибо, подсказал Володя, мой шофер:
Где, говорит, большой, глухой забор,
Там и Софрон Тарасыч — не иначе!
Ты, впрямь, живешь за крепостной стеной.
И от кого ты так отгородился?

СОРИНКА
(пожав плечами)
Да от людей! Уединился.

ЧЕСНОВ
Уж мы подумали: не взять ли курс домой,
Да у ворот твоих никак не развернуться.
Чтоб на железный столб машиной не наткнуться.

СОРИНКА
Мы этот столб вкопали у ворот,
Чтоб наш сосед не делал разворот...
(В дверях веранды появляется Олимпия Павловна)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(мужу)
Бутузя! На минутку!
(Чеснову, фальшиво улыбаясь)
Обиделась за розы не на шутку!
(Исчезает)
(Соринка уходит в дачу. Чеснов остается на веранде один. Он достает портсигар и закуривает. Появляется Маманегорюй)

ЧЕСНОВ
(приветливо)
Ба! Дядя Митрофан!

МАМАНЕГОРЮЙ
Узнал.

ЧЕСНОВ
(протягивает портсигар)
Дымишь еще?

МАМАНЕГОРЮЙ
(закуривает)
Дымлю, товарищ генерал!

ЧЕСНОВ
Все плотничаешь здесь, как погляжу?

МАМАНЕГОРЮЙ
Пришелся ко двору. Тут в сторожах служу.
И, часом, выполняю порученья.
Колхоз меня с женой не отпускал сюда,
Ну, а хозяин осерчал тогда
И оказал давленье на правленье...
Начальству-то оно видней,
Кого — куда и что нужней!..

СОРИНКА
(входя, Чеснову)
Прошу меня простить — есть небольшое дело.
(Спускается с веранды. Обращается к Маманегорюй)
Докладывай!

МАМАНЕГОРЮЙ
Подешевела!
Всю цену сбил колхоз «Победа Октября».
Я, мама, не горюй, на рынок съездил зря.

СОРИНКА
Так ты бы уступил. На это есть смекалка.

МАМАНЕГОРЮЙ
Дешевле отдавать, вы говорили, жалко.
Я, мама, не горюй, товар назад привез...
Клубники семь решет и пять букетов роз.

СОРИНКА
Эх, Маманегорюй, не проявил сноровки!
Сто раз я говорил и говорю сейчас,
Что надо действовать согласно обстановке,
Как на войне!

МАМАНЕГОРЮЙ
Я выполнял приказ.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(появляясь на веранде)
Что тут за шум у вас?

СОРИНКА
Вот, полюбуйся! Погляди-ка!
Все, что повез,— назад привез!

ЧЕСНОВ
Олимпия Павловна! Вернулась к вам клубника
И несколько букетов синих роз.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Прокиснет ягода, куда ее девать?

ЧЕСНОВ
(с иронией)
Софрон Тарасыч! Принимай решенье!

СОРИНКА
Варить клубничное варенье!
Варить и в банки паковать!

ЧЕСНОВ
Вареньем будешь торговать?

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Вот новая забота!

СОРИНКА
(сторожу)
Тащи на кухню все решета.

МАМАНЕГОРЮЙ
(про себя)
Тебе сидеть бы в лавке,
А не в главке...
(уходит)

ЧЕСНОВ
Я вижу, что клубники
У вас сегодня урожай великий?

СОРИНКА
Двенадцать тыщ кустов, чтоб не соврать!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
На каждом — ягоды. Все нужно обобрать.
(Уходит в дом)

СОРИНКА
А как твои дела? Чем ты живешь и дышишь?
Все пишешь?

ЧЕСНОВ
Грешу.
Пишу...
(Разворачивает газету. Достает завернутую в нее книгу. Протягивает ее Соринке. Тот берет книгу. Надевает очки. Читает название книги. Перелистывает).

СОРИНКА
(с ноткой зависти)
Гм-м... «Тактика тылов в период наступленья»...
«Профессор К. ЧЕСНОВ»... Твое произведенье?
Тисненый переплет... Воениздат....
Четыреста страниц!.. Завидный результат!
(Откладывая книгу. Снимает очки)
Приветствую и одобряю!
Я тоже, так сказать,
Сижу и матерьялы подбираю —
Хочу статью в журнале написать!
Меня волнует тема
Организации колхозного труда.
Давно, давно назревшая проблема!

ЧЕСНОВ
(с интересом присматриваясь к Соринке)
Ну-ну...

СОРИНКА
Да, да!..
(Берет в руки книгу Чеснова)
Так... Стало быть, готов печатный труд?
(Появляется Дуня)

ДУНЯ
Софрон Тарасович!

СОРИНКА
Что надо?

ДУНЯ
Вас зовут.

СОРИНКА
Да кто зовет-то?

ДУНЯ
Плотничья бригада.
Какие-то размеры, вишь, им надо!

СОРИНКА
Я занят. Занят! Подождут!
(Дуня уходит. Соринка — Чеснову)
Клубника требует куриного помета.
Жена купила кур, да маловато что-то.
Приходится помет скупать на стороне.
Не прикупить ли кур? — я предложил жене.
И вот теперь не знаю я покою —
На сотню кур курятник новый строю.
(Опять берет в руки книгу Чеснова. Перелистывает ее)
Смотри, какую книгу написал!
(Появляется Маманегорюй)

МАМАНЕГОРЮЙ
Вы извините, помешал...
Там ульи привезли Где ставить?

СОРИНКА
Вдоль забора.
Глядишь, полезет вор — пчела ужалит вора.
(Смеется)
(Маманегорюй уходит)

ЧЕСНОВ
(не скрывая иронии)
Ты стал к тому ж еще и пчеловодом?
Под старость захотел побаловаться медом?

СОРИНКА
(не замечая иронии)
В рот не беру. Я сладкого не ем.

ЧЕСНОВ
А пчел разводишь между тем?

СОРИНКА
Да это все жена. Не я.
Пчел завести — идея не моя.
Я лично возражал, и так хлопот хватает.
Ну, а потом подумал: пусть летают!
(Взвешивает на ладони книгу Чеснова)
Гляди, какую книгу сочинил!
(В саду раздается звонок. Пауза. В саду хлопает калитка. Появляется Полина)

ПОЛИНА
Софрон Тарасович!

СОРИНКА
Короче. Кто звонил?

ПОЛИНА
Приехал покупатель за щенками,
Тот, что намедни торговался с вами.

СОРИНКА
Скажи ему, что опоздал.
(Чеснову)
Вчера последнего продал.
(Полине)
Пусть будет наперед ему наука.
(Полина уходит. Соринка обращается к гостю)
Эх, ты бы посмотрел на Джильду! Что за сука!
Какой диплом!
Я покажу тебе ее потом.

ЧЕСНОВ
Я что-то во дворе не слышал лая.

СОРИНКА
Она охотничья, а не сторожевая.

ЧЕСНОВ
Ты стал охотником?

СОРИНКА
(смеется)
Кто? Я?
В руках я не держал двуствольного ружья.

ЧЕСНОВ
Зачем же ты завел охотничью породу?

СОРИНКА
Олимпия Павловна купила для приплоду.
Не переспоришь ведь жену.

ЧЕСНОВ
Ну-ну!..

СОРИНКА
На весь район мы славимся щенками,
Любители так просто рвут с руками.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(в дверях)
За стол! Прошу друзей за стол!
(Чеснов прячет в карман портсигар, встает из-за стола, берет трость)

ЧЕСНОВ
Вы извините. Я пошел.
(Берет книгу, заворачивает ее в газету)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(изумленно)
Товарищи! В чем дело? Стол накрыт!

ЧЕСНОВ
Благодарю. Уже по горло сыт.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Что здесь произошло?

СОРИНКА
Не знаю. *(Чеснову)* Сделай милость,
Скажи мне, что с тобой?

ЧЕСНОВ
(медленно спускается с веранды)
Как видишь — ухожу.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
Товарищи! Что тут у вас случилось?

СОРИНКА
(беспомощно разводя руками)
Кузьма Кузьмич! Я слов не нахожу!

ЧЕСНОВ
(остановившись)
Ты хочешь правду знать?.. Изволь... скажу...
(Смотрит на Соринку)
Смотрю я на тебя, клубничный генерал,
Почетный завсегдатай рынка,
И думаю: на что ты разменял
Себя, Софрон Тарасович Соринка?..
Был на войне. Имеешь ордена.
А на поверку — грош тебе цена!
Чего тебе недоставало?
Тебе все мало! Мало! Мало!
(Соринка хочет что-то возразить, но Чеснов не дает ему сказать и продолжает)
Ты хочешь мне сказать, что это все—она?
Жена?!
А где твоя народная закваска?
Ты начинал, мне помнится, с подпаска,
Был босоногим батраком,
А не купеческим сынком!
Откуда ж у тебя буржуйские замашки,
Что так ты полюбил хрустящие бумажки?
Ты отоварил свой авторитет:
Щенки и розы есть, а совести-то нет!
(Уходит)
(Соринка и Олимпия Павловна стоят, ошеломленные. В саду хлопает калитка. Вбегает Акимовна)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(взяв себя в руки)
Что там еще случилось?

АКИМОВНА
Олифа Павловна! Свинья опоросилась!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОВНА
(радостно)
Опоросилась?!
(Сбегает по ступенькам веранды и спешит за Акимовной в свинарник)
Соринка, оставшись один, садится на ступеньки лестницы и, зажав голову руками, сидит так, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

СОРИНКА
(задумчиво)
Свинья...

Конец

НАСТРОЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ США

Американские солдаты в Корее не хотят воевать, они рвутся домой — таково единодушное заключение всех корреспондентов и наблюдателей, которым доводилось беседовать с «Джи-Ай» (так в США обычно именуют солдат). Вполне естественно поэтому воодушевление, охватившее солдат, находящихся в рядах «войск ООН» в Корее, когда было заключено в Паньмыньчжоне соглашение о принципах репатриации военнопленных и наметилась реальная перспектива прекращения огня в самые ближайшие дни. Понятны поэтому и тот гнев и беспокойство, которыми охвачены теперь американские солдаты, возмущенные попытками Ли Сын Мана и его клики сорвать перемирие.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Барнард сообщал еще 12 июня с корейского фронта, что американские солдаты «сильно раздражены» попытками лисынмановской клики сорвать перемирие. Корреспондент приводит ряд высказываний солдат по этому поводу.

Уильям Поуллос из Трайона (штат Пенсильвания) заявил: «Я долго надеялся, что бои закончатся. Слишком много людей погибло ни за что».

«Даже 30 секунд, — сказал корреспонденту Джонни Ингрэм из Хаттисберга (штат Миссисипи), — являются слишком большим сроком, чтобы оставаться в Корее».

«Ради общего блага я хочу видеть прекращение этой бойни», — говорит Уильям Грин из Кливленда.

Американский журнал «Ньюсуик» в последнем номере опубликовал сообщение заведующего своего токийского отделения Пакенхэма. Последний провел среди американских солдат в Корее специальный опрос на тему: что они думают о Ли Сын Мане и его провокационной политике? «Американские солдаты, — пишет Пакенхэм, — готовы говорить и охотно говорят на эту тему... Их заявления мало отличаются друг от друга, причем они сами срываются с их губ при упоминании имени Ли Сын Мана. Большинство этих заявлений резко и нецензурно. Самое мягкое из них примерно таково: «Этому старому сукину сыну пора бы провалиться, чтобы мы могли поехать домой».

Высказывая предположение, что находящимся в Корее солдатам «рекомендовали помалкивать», Пакенхэм подчеркивает, что, хотя они весьма охотно излагали свое искреннее мнение относительно лисынмановской провокации, «почти все они решительно отказались сообщить свои фамилии или же запретили упоминать их. Они говорят: «Во что вы хотите меня втянуть?» Солдаты, с которыми беседовал Пакенхэм, не скрыли и своего отношения к тем американским кругам, которые поддерживают Ли Сын Мана. Было высказано, пишет Пакенхэм, такое мнение: «Они вскружили голову старому негодяю... Кампания рекламы этой старой мумии стоит тысячных потерь каждую неделю. Это бессмысленно».

* * *

Американская печать — и в особенности военные издания — давно уже обсуждает на своих страницах вопрос: почему, несмотря на тщательный отбор, продолжительную подготовку и специальную психологическую обработку, значительная часть американских солдат в Корее не желает воевать? Эта проблема, как явствует из высказываний прессы, серьезно заботит военное командование и правящие круги США. О стремлении уклониться от участия в корейской войне свидетельствуют прежде всего все учащающиеся случаи дезертирства из вооруженных сил США.

По официальным данным, опубликованным в январе текущего года, к началу 1953 года число дезертиров дошло до 46 тысяч человек. В это, безусловно заниженное, число не включены, кроме того, так называемые «краткосрочные дезертиры» — солдаты, совершившие самовольные отлучки из своих частей сроком до 30 суток.

Но дело ведь не только в дезертирстве. Самое тревожное, как признает американская печать, заключается в том, что очень многие американские солдаты, уже находящиеся на фронте в Корее, проявляют пассивность и безынициативность на поле боя, зачастую отказываются от применения личного оружия, самовольно оставляют позиции, не подчиняются приказам и т. д. и т. п.

По заявлению военного прокурора американской 8-й армии, действующей в Корее, были осуждены за дезертирство 97 солдат 65-го полка 3-й дивизии, а также большие группы солдат во 2-й, 24-й, 45-й и 1-й мотомеханизированной дивизии. В 1-й мотомеханизированной дивизии военный трибунал разобрал происшедшие в течение двух месяцев 100—150 случаев «трусливого поведения» солдат и примерно столько же случаев — во 2-й дивизии. Всем этим солдатам были предъявлены обвинения трех категорий: «недостойное поведение», или трусость перед лицом врага, отказ итти на боевые позиции и, наконец, дезертирство с целью уклонения от опасного задания (последнее является наиболее распространенным).

В чем же дело? Почему американские солдаты не хотят воевать? Ответ на этот вопрос и пытаются дать на страницах печати США различные авторы, как военные, так и гражданские, специализирующиеся на «изучении солдатской психологии».

Одним из таких специалистов является полковник в отставке Антони Стэндиш, которого в США считают «теоретиком от психологии». Известный военный журнал «Юнайтед Стейтс арми комбат форсис джорнэл» опубликовал в двух номерах подробную статью Стэндиша под заголовком «Кризис храбрости», посвященную этой «проблеме № 1» американской армии.

Подчеркивая, что только на поле боя выявляется действительная готовность солдата сражаться, Стэндиш признает: многие американские солдаты избегают принимать прямое участие в бою, в атаке.

«Как только долг, выполнять который они призваны, становится явно «опасным», эти солдаты, — пишет он, — прячутся, отстают, убегают в тыл, а некоторые даже становятся самострелами... Они не принимают никакого участия в заключительном этапе атаки, когда опасность становится обычно наибольшей. И, если им удается, они даже отказываются выявлять себя на поле боя с тем, чтобы отвлечь на себя хотя бы часть огня противника»...

И это несмотря на то, что, по свидетельству Стэндиша, войска, посылаемые в Корею, проходят весьма тщательный отбор, а на поле боя сержантский состав внимательно контролирует огонь своих подчиненных. Стэндиш с горечью констатирует, что, несмотря на все эти меры, все же около 50 процентов солдат уклоняются в бою от активных действий.

Стэндиш пытается объяснить подобное поведение «Джи-Ай» тем, что у многих американцев вообще, как он утверждает, очень низкий «предел психической устойчивости». Во всем повинна, по мнению Стэндиша, неправильная система воспитания ребенка в рядовой американской семье, где... «все еще сильно нежное влияние женщины и недостаточно дисциплинирующее воздействие мужчины».

«Мы много шутим по поводу всего этого, — пишет Стэндиш. — Но, когда неправильное воспитание нашего мужского поколения приводит к тому, что только незначительная часть его имеет мужество... тут уже не до шуток. **Это становится критической военной проблемой»** (подчеркнуто нами. — **И. Т.**).

Нет нужды пускаться в дебри «психологического» анализа, производимого Стэндишем, который сравнивает неустойчивых на поле боя солдат с бочками, давшими течь... Нельзя не отметить лишь сделанные им признания по поводу того, что жизнь в США изрядно-таки «надламывает» рядового гражданина, а также, что многие солдаты задают себе «крамольный» вопрос: является ли их присутствие в Корее действительно необходимым, не лучше ли все спорные вопросы разрешать не на поле боя, а за столом конференции?

Но в том-то и дело, что полковник Стэндиш, как, впрочем, и другие специалисты по «психологии» американских солдат, для того и разводят всю эту «психоаналитическую» путаницу, чтобы избежать прямого и честного ответа на прямой вопрос: за что воюют американские солдаты в Корее?

Однако, когда речь доходит до рецептов и рекомендаций, то полковник Стэндиш немедленно расстается с этой словесной эквилибристикой и изъясняется достаточно понятно и просто. Все сводится к тому, что «бочки, которые дают течь», следует чинить с помощью «опытных бондарей», т. е. самой жестокой системы принуждения.

В связи с этим газета «Чикаго трибюн» в статье, озаглавленной «Почему они не хотят воевать?» позволяет себе не согласиться со Стэндишем. Газета саркастически замечает: «Полковник Стэндиш намерен, очевидно, начать с ограбления люлек и с ознакомления молодежи Америки с условиями спартанского военного воспитания. Дома будут превращены в казармы, а матери — в муштрующих сержантов»...

* * *

Ясно выраженное нежелание рядового американца воевать беспокоит буржуазную печать.

В связи с этим бьют тревогу не только военные, но и «гражданские» издания, особенно те из них, которые являются непосредственными рупорами крупных монополий. Приведем одно из таких выступлений. Оно принадлежит снискавшему себе скандальную известность журналу «Кольерс».

«Почему половина наших солдат не стреляет в бою?» — вопрошает некий Билл Дэвидсон на страницах этого журнала. И опять-таки, стремясь увести читателя в сторону от истины, пытается внушить ему мысль, что причина заключена просто в... страхе, испытываемом солдатами в боевой обстановке.

«Представьте себе, — пишет он, — что вы пехотинец, находящийся на поле боя в Корее, хорошо обученный, хорошо окопавшийся... и ожидающий атаки противника. Начинается артиллерийский и минометный огонь. Вы видите, как большое число солдат противника двигается по крутому склону высоты по направлению к вам... Настойчиво продвигаясь, они, наконец, выбегают на открытое пространство и становятся отчетливо видимыми. Они представляют собой прекрасную цель. Вы прицеливаетесь... И вдруг, несмотря на то, что пот катит с вас градом, ничего не происходит. **Вы просто не можете нажать на спусковой крючок»**.

«Невозможно? Неестественно? — спрашивает автор статьи в «Кольерсе». — Когда-то армия тоже думала, что это так». Однако, продолжает Дэвидсон, **«в настоящее время нельзя рассчитывать на каждого второго солдата, столкнувшегося в бою лицом к лицу с противником»** (подчеркнуто нами. — **И. Т.**).

Это признание очень важно, так как Билл Дэвидсон специально изучал вопрос о настроениях солдат, находящихся на фронте в Корее. К приведенному выше выводу Дэвидсон пришел не сразу. Он не верил вначале, как он сам заявляет, ни Стэндишу, ни другим военным специалистам. И решил лично убедиться, правду ли они говорят о «кризисе храбрости». И вот, по его собственному признанию, он провел широкий опрос среди «ученых, армейских историков, боевых офицеров и унтер-офицеров, недавно вернувшихся с корейского фронта». Все опрошенные единодушно подтвердили: значительное число американских солдат ведет себя на поле боя пассивно и не стреляет.

В форте Дикс Билл Дэвидсон несколько раз беседовал с группой унтер-офицеров, получивших награды за участие в корейской войне и являющихся, по выражению автора, «сливками американской пехоты». Вот что рассказали участники этих встреч.

Старшина Николас Смит: «Иногда пошлешь отделение для прикрытия фланга и слышишь, что вместо девяти винтовок стреляют две-три».

«Правильно, — подтвердил сержант Томас Макгарт, — я никогда не мог рассчитывать на то, что из девяти солдат отделения, которым я командовал в Корее, будут стрелять четыре или пять человек, даже если дело шло о спасении их собственной жизни».

Старшина Джон Уильямс: «Для того, чтобы заставить стрелять хотя бы половину солдат во взводе, я должен был переползать под огнем от окопа к окопу. Иногда мне просто приходилось брать винтовку какого-нибудь парня и стрелять вместо него».

«Вот так, один за другим, — отмечает Дэвидсон, — унтер-офицеры... с горечью вспоминали об этом странном поведении части своих солдат».

Так в чем же дело? Почему в боевой обстановке около половины американских солдат не стреляет?

Пытаясь дать ответ на этот вопрос, Билл Дэвидсон утверждает: все дело в том, что солдаты вооруженных сил США не стали еще... «настоящими убийцами». А в этом виноваты, повторяет он вслед за Стэндишем, родители, которые не сумели соответственно воспитать своих детей.

«Каждый ребенок рождается с агрессивными тенденциями», — пишет Дэвидсон, ссылаясь на авторитет американских ученых-психиатров. Беда, оказывается, заключается в том, продолжает он без тени улыбки, что «стремление ребенка совершать насилия вскоре подавляется в семье. Родители относятся неодобрительно, часто угрожая наказанием, если — к примеру — мальчик стукнет по голове своего братишку Билла бейсбольной палкой».

Бросая упрек миллионам американцев в том, что они выращивают таких сыновей, которые не проявляют в бою должного «патриотизма и храбрости», «Кольерс» призывает их воспитывать детей «по-современному» — развивать в них с самых пеленок низменные инстинкты.

Как мы видим, «рецепты», излагаемые на страницах журнала «Кольерс» устами «гражданского» специалиста Дэвидсона, ничем, по существу, не отличаются от тех рекомендаций, которые давал в военном журнале «Юнайтед Стейтс арми комбат форсис джорнэл» полковник Стэндиш.

* * *

Обратимся, наконец, к высказываниям такого знатока психологии американских солдат, как бригадный генерал Маршалл *, который, по отзывам высшего армейского командования США, «безусловно знает лучше, чем кто-либо иной», почему многие «Джи-Ай» не хотят стрелять на поле боя.

Изучением психологии американских солдат генерал Маршалл, как явствует из его книги «Человек против огня», опубликованной в 1947 году, занимается давно. Проведя значительное время в Корее, Маршалл пришел к тому же самому выводу, что и Стэндиш и Дэвидсон: около половины солдат американской пехоты не только не принимают активного участия в бою, но даже не используют своего личного оружия, т. е., попросту говоря, не стреляют.

По мнению Маршалла, солдат чувствует себя на поле боя совсем одиноким и поэтому испытывает страх. Следовательно, сержантам и офицерам нельзя в бою выпускать солдат из поля зрения, нужно постоянно контролировать их и заставлять стрелять. Генерала Маршалла особенно беспокоит то обстоятельство, что солдаты на поле боя... молчат. По его наблюдениям, предоставленные самим себе американские солдаты прячутся и боятся издавать какие-либо звуки, чтобы не стать мишенью для противника. Нужно заставить солдат кричать, рекомендует Маршалл, тогда они станут лучше стрелять. «Пусть кричат, — пишет он буквально: — Громкий крик играет важную роль. Крик постоянно напоминает солдату, что он является частью группы, а не просто несчастным одиночкой; крик может вызвать цепную реакцию, которая превратит на поле боя ягнят во львов».

Маршалл пишет, что сами офицеры не стали еще настоящими «моральными лидерами», способными сгруппировать вокруг себя солдат и внушить им чувство ответственности. Он вынужден признать: «Одной из основательных причин падения морали и дисциплины в армии является то, что командир или его подчиненные относятся к солдатам, как... к рабам».

Маршалл не может не признать и того, что вера в идеалы, за которые борется страна, имеет значение для морального духа солдат. Но как быть в таком случае, когда правящие круги не могут выдвинуть справедливую идею, которая могла бы вдохновить солдат? Как быть, если армии, в угоду интересам монополий, приходится вести войну против народа, отстаивающего свою свободу и независимость, что и происходит в Корее? Поэтому Маршалл старается всячески преуменьшить значение морального фактора — веры солдат в справедливость дела, за которое им приходится сражаться.

«Не следует думать, — пишет он, — что... вера в национальное дело является достаточным фактором для того, чтобы заставить солдата быть твердым в условиях опасности...» И далее: «Недостойно профессиональных военных основывать всю свою деятельность на преувеличенном представлении о том, что человек способен вынести все и жертвовать всем ради одних только идеалов».

Для изыскания более эффективных методов воздействия на солдат и активизации их на поле боя в армии США, как сообщает печать, создано даже специальное учреждение — «Бюро по исследованию боевых операций». Этими же проблемами занимается и «Управление по вопросам организации и боевой подготовки армии». По свидетельству газет, в «Бюро по исследованию боевых операций» вошла группа крупнейших ученых США, проводящих секретные исследовательские работы в Корее на «серьезной математической основе». Так, например, это бюро занимается исследованием... физиологических изменений, которые якобы происходят в организме солдат под воздействием изнурения, вызываемого страхом, пытается выработать какие-то «исцеляющие от страха пилюли» (!), которые могли бы быстро придать на поле боя необходимую храбрость. К изысканию методов обработки сознания солдат привлечены также известные психологи и священнослужители.

Но если различные «теоретики», вроде генерала Маршалла или полковника Стэндиша, делают вид, что им будто бы непонятно, почему солдаты не хотят воевать в Корее, то зато многие «Джи-Ай» отдают себе в этом полный отчет. Приведем здесь, в заключение, письмо, посланное сержантом Джорджем Л. Доуэллом (Форт Кастер, штат Мичиган) в редакцию журнала «Юнайтед Стейтс арми комбат форсис джорнэл» в ответ на статью полковника Стэндиша. Вот что пишет Доуэлл:

«Статья «Кризис храбрости» затрагивает миллионы идей, касающихся вопроса о том, почему некоторые солдаты воюют, а другие уклоняются от боя. Однако в статье ничего не говорится о том зрелом умственном состоянии, которое должен иметь боец для того, чтобы вести огонь по своему противнику...

Полковник Стэндиш пускается в длительные объяснения по поводу многих и разнообразных случаев, связанных с периодом детства, которые обусловливают формирование «мужчины из мальчишки»... Будучи таким человеком, как я есть (а я являюсь главой семьи)... я склонен думать, что полковник Стэндиш выбрал неправильный путь решения вопроса о том, что способствует формированию настоящего бойца.

Читая книги по военной истории, приходишь к выводу, что американский солдат наилучшим образом сражался тогда, когда борьба в своей основе протекала **на собственной земле этого солдата.** Гражданская война между Севером и Югом была, повидимому, самым лучшим примером «храбрости в чистом виде».

«Я недостаточно хорошо знаком с психиатрией, — продолжает сержант Доуэлл, — чтобы знать, какое именно умственное развитие должен иметь боевой солдат. Но основываясь на 16-летнем опыте жизни, работы и службы вместе с американскими солдатами, как в бою, так и вне боя, я бьюсь об заклад, что, если американцы обретут идеал, большинство из них **способно** бороться за **свою** страну, независимо от того, каков их психический уровень или с каким уровнем напряжения они могут столкнуться».

В письме сержанта выражены думы миллионов рядовых американцев: Соединенным Штатам никто не угрожает, никто не покушается на жизнь близких солдату людей. Так зачем же ехать куда-то за тридевять земель и убивать там людей, защищающих свой собственный дом, семью и независимость своей страны? Ради чего? Ради какого идеала должен отдавать американский солдат свою жизнь за океаном?

Причины, объясняющие тот признаваемый ныне буржуазной печатью факт, что «Джи-Ай» не хочет воевать, были еще в феврале 1951 года вскрыты И. В. Сталиным. Говоря о непопулярности войны среди англо-американских солдат, И. В. Сталин указывал тогда:

«Понятно, что самые опытные генералы и офицеры могут потерпеть поражение, если солдаты считают навязанную им войну глубоко несправедливой и если они выполняют в силу этого свои обязанности на фронте формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления».

Народы всего земного шара, в том числе и американский народ, проникнуты стремлением положить конец войне в Корее, мирным путем разрешить все спорные и неурегулированные вопросы.

И. ТУРАНОВ

* Бригадный генерал С.Л.А. Маршалл — один из американских теоретиков военного дела, занимается изучением психологии американских солдат. Автор ряда книг по военным вопросам.

СЛУЧАЙ ВО ВРЕМЯ ИНСПЕКТИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК В КОРЕЕ

Инспекторы из Пентагона: — Боевой дух солдат слишком низок...

— Эй, парни, надбавка жалованья!

— Получайте нейлоновый нагрудник: пуля не берет, штык не пробивает...

— Сюда скоро прибудут красавицы — золотоволосые, голубоглазые...

— Гм... Не действует. Надо упомянуть о возвращении домой...

Американские солдаты: — Домой? Слава тебе, господи! Ребята, домой!..

Рисунки художника **Фан Чэна** из китайской газеты «Женьминьжибао»

Международная почта

ЕЩЕ РАЗ О МАККАРТИ

Недавно эмиссары американского сенатора Маккарти, усердно вынюхивавшие «крамолу» в посольствах, консульствах и так называемых «культурных центрах» США за границей, «обследовали» по этой линии ряд европейских стран. Попутно они намеревались также «проконтролировать» в Лондоне работу Британской радиовещательной корпорации. Это им сделать не удалось: английская общественность резко запротестовала против «охоты за ведьмами», которой занимаются чиновники из ведомства Маккарти.

Этой теме и посвящен рисунок, который мы заимствуем из английской буржуазной газеты «Дейли геральд».

— Я думаю, теперь мы можем спокойно вытащить свою метлу, Мэри. Американские джентльмены, охотящиеся за ведьмами, уже уехали...

Рисунок из английской газеты «Дейли геральд»

УГРОЗА ТЕЛЕВИДЕНИЮ В АНГЛИИ

«TV» — сокращенное английское название телевидения. Эти две буквы не сходят в последнее время со страниц лондонских газет.

Повышенный интерес к телевидению в британской столице вызван намерением правительства разрешить передачу телевизионных программ частным коммерческим станциям. До сих пор эта монополия принадлежала Би-би-си — Британской радиовещательной корпорации.

Новый проект вызвал множество возражений на страницах английских газет самых различных направлений. Противники коммерческого телевидения утверждают, что оно сразу же окажется в руках фирм, заинтересованных в рекламировании своих товаров. Действительно, оборудование и пуск новой телевизионной станции обойдется настолько дорого, что она будет целиком зависеть от средств, отпускаемых заинтересованными фирмами. Они же, естественно, будут определять содержание телевизионных передач или, по крайней мере, потребуют, чтобы, независимо от характера передачи, она прерывалась через равные промежутки времени и уступала рекламе место на экране.

Английская буржуазная газета «Дейли мейл» приводит в качестве примера американское телевидение, где программы прерываются для рекламы каждые четверть часа. Так было, кстати сказать, и во время передачи американскими станциями документального фильма о коронации английской королевы в Вестминстерском аббатстве. Через каждые 15 минут церемония коронации прерывалась, и на экране появлялся огромный шимпанзе — один из популярных «персонажей» рекламных передач.

Английская общественность не скрывает тревоги перед еще большей «американизацией» Англии под влиянием коммерческого телевидения. Так, например, сообщая о том, что особый интерес к коммерческому телевидению проявляет некто Норман Коллинс, тесно связанный с американскими рекламными агентствами, газета «Дейли геральд» пишет:

«Можно легко представить себе опасность существования монопольной коммерческой станции, поддерживающей тесные связи с американцами... Наиболее выгодное время будет отведено для рекламы долларовых товаров или товаров, производимых в Англии на американские средства.

В США тысячи телефильмов, использованных в свое время для рекламирования американских товаров, лежат теперь в бездействии. Надо ли удивляться, если эти фильмы будут предложены по демпинговым ценам британским телевизионным станциям?

Такое положение разорило нашу кинопромышленность... То же самое может произойти и с телевидением».

Таковы опасения английской газеты — опасения, которые, надо сказать, не лишены оснований...

НОВЕЙШИЙ „ЗАМЕНИТЕЛЬ“ КНИГ

Что такое «покет букс»? В переводе на русский язык это означает, как известно, «карманные книги». Однако одного перевода еще недостаточно, чтобы дать представление об этом чисто американском изобретении, при помощи которого кромсают, выхолащивают, прессуют и калечат произведения классиков.

А что такое «комикс»? «Комикс» — это вульгарный суррогат литературы, воспитывающий малограмотность.

И «покет букс» и «комикс» — признаки катастрофического вырождения буржуазной литературы в Соединенных Штатах. Об очередной ступени этой деградации рассказывает шведская газета «Папперсхандларен», сообщающая о новейшем «заменителе» книг, изобретенном в США.

Предоставим слово газете: «Вместо книг в продажу поступают коробки разных размеров, содержащие все ингредиенты детективного романа. Сенсации преподносятся читателю наглядным путем. Здесь имеется все, что относится к действию и развитию событий. Приобретая такой «ящик ужасов», вы имеете возможность быстро ознакомиться с основными деталями повседневной деятельности полисменов. В коробке имеются, например, фотографии различных отпечатков пальцев, инструкция по проведению анализа следов крови и т. д. Вы получаете не только чертеж или план дома, где было совершено убийство, но и «все здание целиком» в виде маленьких стен, пола, крыши и других составных частей из картона. Даже забор, через который перелез хладнокровный убийца, находится тут же, в коробке, и может быть смонтирован, как и все остальные принадлежности.

Само собой разумеется, что дело не обходится без трупа, который, согласно акту, составленному полицией, был найден на лестнице, причем голова мертвеца лежала на нижней ступеньке. Игрушечный револьвер, пятна крови и т. д. также находятся на своих местах, и внимание человека, пытающегося разгадать преступление, привлекает в определенный момент сладковатый запах, доносящийся из внутренних комнат миниатюрного домика. Это — настоящий хлороформ в маленькой бутылочке...

Освоившись должным образом с атмосферой, вы затем знакомитесь с главными и второстепенными действующими лицами. Все они — в виде небольших фигурок — находятся тут же; невинные физиономии, коварные наемные убийцы, женщины с ангельскими лицами, пресыщенные светские дамы, рабочие в синих комбинезонах и т. д. Все фигурки расставляются по указанным местам, и вы начинаете изучать содержание тоненькой тетрадки, в которой приводятся краткие выдержки из допроса и обрывки разговоров, подслушанных свидетелями».

Что можно прибавить к этому описанию? По словам газеты «Папперсхандларен», «эта затея и ей подобные являются предвестником новой эпохи неграмотности... У покойного Гутенберга достаточно оснований, чтобы переворачиваться в гробу».

ТРАГЕДИЯ ГОРОДА ЛЛАНЕЛЛИ

Когда-то английский город Лланелли, находящийся в Западном Уэльсе, считался центром жестяного производства. В этой отрасли промышленности было занято почти все население города. Уэльские жестяные консервные банки можно было видеть на полках всех продуктовых магазинов Великобритании. Но сократилась английская внешняя торговля, сокращается поэтому и выпуск продукции.

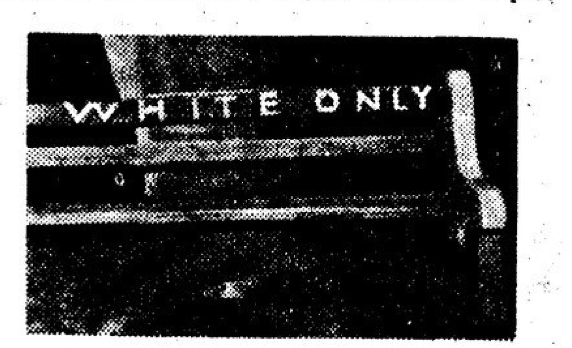
Некоторое время тому назад в городе Лланелли 15 предприятий жестяного производства, продолжавших еще функционировать (до войны их было 78!), закрылись на месяц или перешли на четырехдневную рабочую неделю. В таком же положении оказались и другие города этого «жестяного» района Западного Уэльса — Суонси, Нит, Порт Тальбот, Понтардоу.

Населению этих городов грозит массовая безработица. Один из жестяников города Понтардоу в беседе с корреспондентом «Дейли уоркер» рассказал, что у него и так каждый пенни на счету, а заработной платы едва хватает на жизнь. Если же его фабрику закроют, у него вообще не будет никакой надежды найти работу. «Я бы хоть завтра упаковался и уехал, — сказал он, — если бы где-нибудь была работа. Но что я могу сделать? В таком же положении, как я, сотни рабочих в нашем городке».

Только на двух предприятиях — в городах Суонси и Ните — 7.200 рабочих должны быть выброшены на улицу из-за недостатка заказов. Можно ли было избежать этой трагедии? Безусловно, можно! «Китай выразил готовность закупить белой жести на 500.000 фунтов стерлингов. Аналогичный заказ предлагала Венгрия», — пишет английская газета «Дейли уоркер» и добавляет: «Обширные рынки в социалистических странах, возникшие благодаря процветанию их экономики, могли бы полностью обеспечить выгодными заказами все уэльские заводы, как новые, так и старые, на долгие годы».

„ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ“

Этот снимок сделан в Соединенных Штатах. Впрочем, можно указать и более точный адрес: скамья, изображенная на снимке, находится на лужайке перед зданием городского суда в городе Пойнт-а-ла-Хэш в округе Плакминс (штат Луизиана).

Большая надпись на скамье предупреждает: «Только для белых». Это зрелище, надо полагать, услаждает взоры блюстителей расовых законов, заседающих в суде.

«Только для белых»! Вдумайтесь в смысл этой надписи — она означает, что такой человек, как Поль Робсон, не имеет права приблизиться к этой скамье...

Смесь

Нью-Йоркские будни. Безработный механик Фрэнк Джордано, его жена Аделина и семеро детей, из которых один ребенок страдает тяжелым нервным заболеванием, были выброшены на улицу за задержку квартирной платы, — сообщает американская газета «Нью-Йорк джорнэл-америкэн». Повседневная картина в крупнейшем городе Америки!

«Преступление» слесаря Герпера. Реквизируя одно здание за другим, американские оккупационные власти в Западном Берлине выгнали слесаря Герпера из его маленького дома с садом. Но домик был так мал и скромен, что ни один американский офицер не пожелал в нем поселиться. Долгие месяцы наблюдал Герпер через забор, как разрушается созданное его руками хозяйство. Однажды он зашел в свой собственный дом и взял из комнаты настольную лампу и любимую книгу. Американский военный суд приговорил слесаря Герпера к тюремному заключению за «кражу»...

«Мемориальные» щиты. В Стрэтфорде-на-Авоне, родном городе Вильяма Шекспира, именем великого английского классика злоупотребляют без зазрения совести в целях рекламы. Так, например, по сообщению датской газеты «Информашон», на улицах города можно видеть щиты, указывающие путь к... «шекспировскому гаражу».

Красноречивое сопоставление. Сообщив, что средний фильм производства немецкой киностудии «Дефа» (ГДР) репродуцируется в 1.500 экземплярах, дюссельдорфская газета «Индустрикурир» добавляет: «Если же фильм, заснятый в Западной Германии, копируется хотя бы в 100 экземплярах, то режиссеру можно уже послать букет цветов в качестве поздравления».

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02818.